

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Марсель Габриэль

Человек праведный
Явись людям и себе тем, кто ты есть.

Пьеса в четырех действиях. Написана в 1922 году

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клод Лемуан, пастор

Эдме, его жена

Осмонда, их дочь

Д-р Франсис Лемуан, брат Клода

Г-жа Лемуан, мать Клода и Франсиса

Мегаль, сосед Лемуанов

Мишель Сандье, человек из прошлого

Фред Жюно, юноша из провинции

Фелиси, служанка в доме Лемуанов

М-ль Обонно, прихожанка

Маленький Рене, ее племянник

Время действия декабрь 1920 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Лемуанов. Холодная, безликая обстановка. На стене – «параболы» Бюрнана и репродукция Сикстинской мадонны. В глубине комнаты стоят Осмонда и Мегаль. Мегаль в плаще.

Мегаль.Извините меня, мадемуазель. Я вижу, вы только что из-за стола. Я ведь велел служанке не беспокоить вас.

Осмонда.Никакого беспокойства. Садитесь, прошу вас. По воскресеньям мы завтракаем поздно; кто-то всегда хочет поговорить с отцом по выходе из церкви. К тому же, мы уже позавтракали.

Мегаль.Если я правильно понял, вы были так любезны, что предложили пройтись с детьми после обеда. Я хотел удостовериться, что это вам действительно не в тягость...

Осмонда.Ни в коем случае. У меня сегодня как раз выдался свободный вечер.

Мегаль.Не знаю, как благодарить вас... Тем более, что не представлял себе, как быть с ребятишками. Бонна отпущена на весь день, а мне надо ехать в Эпине.

Осмонда.Госпожа Мегаль...

Мегаль.Никаких изменений. К тому же подобная болезнь... если это можно назвать болезнью...

Осмонда.Она страдает?

Мегаль.Этого никто не может сказать. Она постоянно жалуется, но... врачи меня уверяют, что в этом есть огромная доля самовнушения.

Осмонда.Да?

Мегаль.Более того, это – единственная черта, напоминающая мне жену, какой я знал ее прежде. Потому что во всем остальном это совершенно другой человек. (Молчание.)

Осмонда.Не знаю, рассказала ли вам Сюзанна, что на сегодняшнем утреннем уроке в воскресной школе она мне очень хорошо отвечала. Впрочем, я и Ивонной очень довольна.

Мегаль.Я рад. Они хорошие девчушки... Так куда вы собираетесь пойти с ними сегодня?

Осмонда.Еще не решила.

Мегаль.Если я случайно вернусь из Эпине не слишком поздно, мы могли бы пойти, как две недели назад...

Осмонда(уклончиво).Там видно будет.

Мегаль(внимательно смотрит на нее).Какой на вас красивый шарф, он очень вам идет. (Молчание.)

В гостиную входят Эдме, Клод и Г-жа Лемуан.

Эдме(Мегалю, поднявшемуся им навстречу).Сударь, сидите, прошу вас. (Г-же Лемуан.)Мама, представляю вам господина Мегалья, он живет над нами. Господин Мегаль – отец тех самых малышей, которых вы вчера встретили на лестнице.

Г-жа Лемуан.Сударь, я очень рада...

Клод.Выпьете с нами чашку кофе?

Мегаль.Благодарю вас, мне надо ехать на вокзал. Я говорил мадемуазель Осмонде, как признателен ей за все, что она делает для моих дочурок. Вчера она опять пришла, чтобы повторить с ними уроки, а сейчас собирается взять

их на прогулку...

Эдме(сухо).Но, сударь, если у нее есть свободное время – это совершенно естественно.

Мегаль.По-моему, это большая любезность со стороны мадемуазель Осмонды. Не беспокойтесь, прошу вас. (Идет к двери.)До свидания, сударь... Сударыни... Мадемуазель...(Отвешивает поклон Г-же Лемуан и уходит.)

Г-жа Лемуан.Этот господин производит самое приятное впечатление.

Эдме.Мы его совсем не знаем.

Г-жа Лемуан.Взгляд открытый... Хорошая улыбка.

Осмонда.Чашечку кофе, бабушка?

Г-жа Лемуан.Совсем чуть-чуть, милая... Твой дядя Франсис стал бы меня ругать. Ну вот, достаточно, достаточно.

Клод.Так что же, почему Франсис не приехал к завтраку вместе с тобой?

Г-жа Лемуан.Ему надо было посетить больного в пригороде. Но он заедет за мной. (Понизив голос.)По-моему, он хотел с тобой поговорить.

Эдме(не расслышав).Что?

Г-жа Лемуан.Я говорю, что он должен за мной заехать.

Эдме.Хорошо, а то мы его редко видим. (Клоду.)После отпуска твой брат был у нас всего два или три раза.

Г-жа Лемуан.Он так занят... Теперь, когда я здесь, я это понимаю! Госпиталь, посещения больных, встречи, сообщения в Академии... я поражаюсь, как он все это выдерживает. (Клоду.)Впрочем, он – как ты, мой дорогой мальчик... О, не мне упрекать тебя в том, что ты ревностно выполняешь свой долг, и делаешь больше, чем требует долг, как говорил твой незабвенный отец. Но твой приход мне кажется трудным, он отнимает очень много времени и сил. А кстати, достаточно ли ты уделяешь внимания физическим упражнениям? Эдме, вы за этим следите, не правда ли?

Эдме.У нас у всех прекрасное самочувствие.

Г-жа Лемуан.Эта парижская жизнь сама по себе так утомительна, когда сравниваешь с Лозанной. Ваш кофе очень вкусен, я хотела бы проинструктировать на этот счет Франсиса.

Эдме.Сожалею, что не могу в этом быть вам полезной; по-видимому, он от бакалейщика напротив. Мама, извините, я должна подыскать литературу для моего Союза молодых девушек. (Опускается на колени перед низким книжным шкафом, достает пачку книг, перебирает их.)

Г-жа Лемуан.Кстати, еще об этом господине: Осмонда, так ты регулярно занимаешься этими прелестными девчушками? Как это мило с твоей стороны!

Осмонда.Иногда уделяю им минуту-другую.

Г-жа Лемуан.А их мама?..

Эдме(листая одну из книг).Их мать помещена пожизненно в больницу.

Г-жа Лемуан.Какая трагедия!

Эдме.Меня несколько удивляет, что сегодня ты нашла свободное время. Рождество в среду, а у тебя, по-моему, накопилось очень много дел.

Осмонда.Напротив, к нынешнему Рождеству я многое уже успела.

Эдме.За работу для крестной ты даже не бралась.

Г-жа Лемуан.Мне грустно думать, что я не увижу вашей елки. Но Анри и Лулетт рассчитывают на меня. Они будут страшно огорчены, если я не попаду к ним на праздники. Не знаешь, как сделать, чтобы все были довольны... обычная беда слишком спянных семей!

Эдме(Осмонде).Ты помнишь «маленькую сиротку из Приёре»?

Осмонда.Покажи.

Эдме продолжает листать книгу.

Г-жа Лемуан.Я помню; очень трогательная история. Да вообще все эти адаптированные английские книжки восхитительны.

Эдме(поставив книгу на место).Она мне кажется страшно сентиментальной, а эти девицы и так склонны проливать слезы над всякой ерундой.

Клод.Важно их заинтересовать.

Эдме.Да, но не любой ценой.

Г-жа Лемуан.Немного романтики не помешает... Совсем немножко. (Осмонде.)Что ты на это скажешь, милая?

Осмонда(вставая).Не берусь судить.

Эдме.Не забудь, что мадемуазель Жантиль ждет тебя к пяти: нужно ей почитать.

Осмонда(раздраженно).Не беспокойся.

Эдме.Очень мило – придумывать себе новые обязательства...

Осмонда.До свидания, бабушка. Папа, что ты делаешь сегодня после обеда?

Клод.Мне надо написать пару писем. И подготовить завтрашнее обращение.

Эдме.О маленьком Симононе?..

Г-жа Лемуан.Я уверена, Эдме, что вы никогда ничего не забываете. Я

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
просто в восхищении!

Осмонда(с досадой). Да, мама никогда ничего не забывает; и это ужасно. (Уходит.)

Г-жа Лемуан. Мне кажется, девочка становится немного нервной.

Клод(жене). По-моему, ее задевает, что на нее недостаточно полагаются.

Эдме. Но при своем внешнем спокойствии Осмонда чересчур импульсивна, я это замечаю постоянно.

Клод. Не получается ли, что, фиксируя таким вот образом чужие недостатки, мы их, можно сказать, усугубляем? Как ты считаешь, мама?

Эдме. Так что же, закрывать глаза?

Клод. Я этого не говорю; однако от нашего подхода к другим...

Эдме. Знаю, знаю, но эта теория может далеко завести.

Г-жа Лемуан. Во всяком случае, я очарована своей внучкой... Вам, конечно, известно, что сейчас, во время летних каникул, в Лозанне организуются экскурсии, лекции...

Клод. Полагаю, ты там будешь.

Г-жа Лемуан. Разумеется.

Клод. Но у меня нет ни малейшего желания посылать с тобой дочь.

Эдме. Ну, мы к этому еще вернемся. (Клоду.) Так что же ты ответишь господину Жюно?(Г-же Лемуан.) Пастор из Ла-Шо-де-фон попросил нас взять на пансион своего сына: Фред, вы его знаете... Он будет готовиться к лиценциату.

Клод. Если ты считаешь, что прилично предоставить ему нашу маленькую комнату...

Эдме. По-моему, она должна устроить молодого человека. Вы не находите, мама?

Г-жа Лемуан. Я бы лично вполне ею удовольствовалась, если бы Франсис не настоял, чтобы я остановилась у него. Впрочем, я устроена прекрасно.

Клод. Тогда я напишу ему. (Уходит.)

Г-жа Лемуан. Скажите, Эдме, этот молодой человек, Фред... вы не опасаетесь, что Осмонда...

Эдме. Он придурковат; не думаю, чтобы Осмонда питала интерес к подобным юнцам... Нет, это бы меня не тревожило.

Г-жа Лемуан. Вы хотите сказать, что у вас есть другие опасения?

Эдме. И да и нет. Кстати, вот этот господин, только что покоривший вас...

Г-жа Лемуан. Ну, это преувеличение!

Эдме. Так вот, я не особенно удивлюсь, если узнаю, что он уже вскружил голову Осмонде.

Г-жа Лемуан(она шокирована). Что вы такое говорите, Эдме!

Эдме. Осмонда вообще не слишком любит детей; воскресная школа для нее скорее ярмо. Так что, согласитесь, заботливость, которую она проявляет к этим двум девочкам, наводит на размышления.

Г-жа Лемуан. Осмонда – как ее отец, который всегда был воплощенная самоотверженность... И поскольку у нее перед глазами постоянно такой пример, то нет ничего удивительного в том, что она исполнилась сочувствием к этим бедным деткам. И вообще, видите ли, Эдме (с некоторой торжественностью), людям всегда надо доверять.

Эдме. Да?..

Г-жа Лемуан. Всегда – и невзирая ни на что.

Эдме. Что я должна на это ответить?

Г-жа Лемуан. Я видела много безобразного вокруг себя, Эдме. И тем не менее, несмотря на этот печальный опыт...

Эдме(голос ее задрожал). На что вы намекаете?

Г-жа Лемуан(спохватившись). О, это давняя история.

Эдме. Вот как?

Г-жа Лемуан. Одним словом... тогда было от чего прийти в отчаяние.

Эдме. Да, да. Любопытно, что Клод при мне ни разу не обмолвился о событии, которое вас тогда, по-видимому, потрясло. Это так?... Очевидно, то был секрет... ему не принадлежавший?

Г-жа Лемуан(уклоняясь от ответа). Но, разумеется, если вы этим так обеспокоены...

Эдме(устремляет на нее вопросительный взгляд). А! Ну да, вы сейчас говорите об Осмонде... я не сразу сообразила. Не то, что обеспокоена, но – отношусь с недоверием.

Г-жа Лемуан. Однако, мне кажется, она так похожа на своего отца...

Эдме. Вы находите?

Г-жа Лемуан. Во всяком случае в том, что касается морали...

Эдме(двусмысленным тоном). Да, да...

Г-жа Лемуан. Как говаривал мой бедный муж: «тот же звук души».

Эдме. У меня еще не было счастливой возможности слышать душу своей дочери.

Г-жа Лемуан. Но если бы Клод разделял ваши тревоги, он бы мне наверняка...

Эдме.Клод вам говорит все?

Г-жа Лемуан.Все, что он считает себя вправе мне сказать.

Эдме.Впрочем, когда я вижу, как исправно он вам отсылает раз в неделю небольшую бандероль...

Г-жа Лемуан.Я не нахожу слов, чтобы высказать, какое благо для меня – эти письма. Недавно я перечитала старые письма Клода: среди них есть такие прекрасные... почти трагические. Я готова была переписать для вас отрывки.

Эдме.К какому времени они относятся?

Г-жа Лемуан.Это первые годы вашего брака.

Эдме.И вы говорите – они трагические?

Г-жа Лемуан.Клод переживал тогда тяжелейший душевный кризис. Вы же знаете, что в какой-то момент он даже думал оставить пасторскую службу.

Эдме.Как?..

Г-жа Лемуан.Не станете же вы уверять меня, что ни о чем не догадывались!

Эдме.Но я действительно ничего об этом не знала. Первые годы нашей супружеской жизни... в ту пору мы совсем не были близки. Не можете ли вы мне сказать точно, каким временем датированы эти письма? Он их писал до... ну, скажем, девятьсот третьего года?

Г-жа Лемуан.Все они написаны до девятьсот третьего года. Но к чему этот вопрос?

Эдме.Мама, уверяю вас, нет нужды притворяться; вы выдали себя только что... тсс!..

Клод(входя).Ты помнишь адрес Жюно? Не могу найти его письма. По-прежнему улица Карла Маркса?

Эдме.По-моему, они переехали; вы не помните, мама?

Г-жа Лемуан.Я не поддерживаю с ними отношений. Они окончательно сделались большевиками – как, впрочем, все в Шо-де-Фон. Твой отец, которого отличал здравый смысл, уже тогда был в ужасе.

Эдме(с раздражением).Удивительно, что ты не находишь письма: утром я его положила в папку для корреспонденции, требующей ответа.

Клод.Ну хорошо, хорошо.

Эдме.Сколько раз я тебе говорила... Когда же в этом доме будет порядок!

Клод.Порядок – до такой степени... от этого можно сойти с ума. Сейчас закончу письмо и вернусь.(Уходит.)

Эдме.И этот внутренний кризис... Но ведь Клод не из тех людей, кого когда-либо терзали тревоги. Для него все так ясно, так просто! И слава Богу: что бы со мной стало, будь он другим!

Г-жа Лемуан.Безусловно, мы все в большом долгу перед ним.

Эдме.О! Я собиралась говорить вовсе не о признательности. Человека не благодарят за то, что он такой, какой есть.(Снова, с нажимом.)Так вы уверены, что это было до девятьсот третьего?

Г-жа Лемуан.Абсолютно. Потом, напротив, словно покой снизошел на него: как будто он увидел свет впереди, которого раньше не замечал...

Эдме.Свет?..

Г-жа Лемуан.Именно. Тот, который виден, только когда вокруг сплошной мрак. (С недоумением.)Вы смеетесь? Почему?

Эдме(глухо).Прекрасно! Вот цена обещаниям.

Г-жа Лемуан.Каким обещаниям?

Эдме.Он обещал мне, что вы никогда ничего не узнаете.

Г-жа Лемуан.Но послушайте, Эдме...

Эдме.О, не старайтесь меня обмануть... Эта тайна... наша тайна, он выдал... жалкий человек!

Г-жа Лемуан.Он – жалкий человек?! Вы дерзаете оскорблять его!

Входит Клод, держа в руках письмо.

Клод.Я дописал его. Если ты выходишь, снеси его, пожалуйста, на почту.

Эдме.Сегодня воскресенье: думаю, его уже не отправят. Ведь оно не к определенной дате? Или, впрочем... Дай мне его все же... Который сейчас час? (Рассеянный жест выдает ее внутреннее потрясение.)

Клод.Но что с тобой, Эдме?

Эдме.Ничего... абсолютно.

Клод.Мама...

Эдме.Я тебя застану попозже?

Клод.По-моему, должен прийти Франсис. Я его дожусь.

Эдме.Да, но ты... ты... Я скоро вернусь.(Тихо.)Я хотела бы застать тебя одного, понимаешь? Там я все улажу, кто-нибудь меня заменит.

Г-жа Лемуан.Эдме, когда вы вернетесь, я уже уйду.

Эдме.До свидания, мама.(Уходит.)

Клод.Что здесь происходит?

Г-жа Лемуан.Мой бедный мальчик, я допустила неосторожность. Сама не

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
знаю, как это я так забылась...(Едва не планет.)Но вообще-то удивительно, что этого не случилось гораздо раньше. Эдме поняла, что ты мне писал обо всем. Клод(после недолгой паузы, решительно).Тем лучше. Видишь ли, мама, меня ужасно угнетало, что я обманываю ее; сколько раз я корил себя за это! Если бы не какая-то смутная боязнь, я бы ей давным-давно признался...

Г-жа Лемуан.Что за слово!

Клод.Но ведь я обещал ей ничего тебе не рассказывать.

Г-жа Лемуан.Потому что она этого потребовала. Но по какому праву?

Клод.Не важно. Я обязался.

Г-жа Лемуан.Но вспомни же, наконец: она грозилась уехать, даже, может быть... Так что это вроде обещаний больным.

Клод.Что бы там ни было, но с тех пор, как были восстановлены ее силы, с тех пор, как я ее вылечил – я должен был все ей сказать: она бы поняла. Ты же сама всегда говоришь, что нужно доверять. Правда, давая это обещание, я был уверен, что сдержу его. И затем, однажды... сам не знаю почему – я ведь не чувствовал себя более одиноким, чем обычно, – я тебе обо всем написал.

Г-жа Лемуан.Тебе не в чем виниться!

Клод.Я поступил с ней, как с ребенком...

Г-жа Лемуан.В конце концов, Клод, прошло столько времени...

Клод.А какой взгляд она бросила на меня, уходя... О! Он мне так знаком... Мама, все, чего я добился с таким трудом, – все это я, вероятно, потерял.

Г-жа Лемуан.Получается, что из-за меня...

Клод.Нет. Я один виноват. Я сразу же попрошу у нее прощения.

Г-жа Лемуан.И ты собираешься так унижаться перед той, которая... я-то хорошо знаю, что никогда не смогу простить ей.

Клод.Это слово, мама, имеет смысл только для нас двоих.

Г-жа Лемуан.Она никогда не стоила тебя!

Клод.Когда я думаю о том, что это прощение дало мне... об этом душевном покое, ощущении некой силы, которая – заодно с моей волей, но не подменяет ее... Именно с того дня мир озарился для меня. Прежде я продвигался на ощупь, впотьмах... Испытание, мама: до этих страшных месяцев слово «испытание» было для меня пустым звуком. Но когда переживаешь то, что мне довелось пережить...

Г-жа Лемуан.Она и не догадывалась, что творилось в твоей душе.

Клод.Решающим в испытании было именно то, что она не поняла происходящего во мне. Я был совсем один... с Ним. И вот, шаг за шагом, я чувствовал, что ее доверие ко мне возвращается. Как она, бывало, смотрела на меня, когда ей казалось, что я занят другим! Этот немой призыв в ее глазах! У меня было ощущение, что я помогаю выжить... спасаю от гибели что-то бесконечно хрупкое. Первое время, возвращаясь домой по вечерам, я всякий раз готовился услышать, что она уехала, чтобы соединиться с тем человеком! Я уверен, что в течение очень долгого времени она еще думала об этом... верила, что хочет этого. Но на самом деле их разделяла какая-то сила. И вот однажды я внезапно совершенно явственно почувствовал, что это кончилось – что она больше не думает об этом, – что мы оба одержали верх! Не надо плакать, мама. Я не должен был воскрешать в тебе эти воспоминания...

Г-жа Лемуан.Помяни мое слово, она еще причинит тебе горе!

Клод.Как же было хорошо раньше – когда мы еще не знали страданий... Но сейчас мы бы уже не могли так. Каждый нес крест другого, каждый приносил жертву ради другого. Мы словно обогатились... стали лучше, да, лучше...

Г-жа Лемуан.Как прекрасно ты умеешь выразить все это!(Вытирает слезы.)

Клод.Там звонок. Это, должно быть, Франсис. Ты извини – мы отпустили служанку, я пойду открою.

Г-жа Лемуан(одна.)Слишком добр, слишком великодушен.(Сокрушенно качает головой.)

Клод возвращается и вслед за ним в гостиную входит Франсис.

Клод.Дружище, ты ведь должен был прийти к завтраку.

Франсис.Мне нужно было посмотреть больного в жуа-ан-жоза; я вернулся только к двум.

Г-жа Лемуан.Когда ты ел?

Франсис.Полчаса назад, в баре-автомате. (Клоду.) Так все в порядке? На днях некто из консистории говорил мне о тебе. Подумай-ка, они очень высоко тебя ценят! Ты словно загипнотизировал своих прихожан, они прямо-таки боготворят своего пастыря.

Г-жа Лемуан.Почему ты никогда не приходишь его послушать?

Франсис.Что поделаешь, это не по моей части.(Клоду.)Мама предупредила тебя, что мне надо кое-что тебе сказать?

Клод.Да, но я понятия не имею, о чем речь.

Франсис.Послушай, мама, как я тебе уже говорил... разумеется, ты можешь остаться: но ты знаешь, что мне придется затронуть в разговоре с Клодом

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
достаточно тягостный вопрос. Я бы не хотел лишний раз тебя волновать.

Г-жа Лемуан.Если я не помешаю, я предпочла бы..

Франсис.Мишель Сандье (у Клода вырывается невольное восклицание; г-жа Лемуан вздрагивает)недавно был у меня на приеме.

Г-жа Лемуан.Неслыханно!

Франсис.Ничего удивительного: он знает из медицинских журналов, которые, судя по всему, читает самым прилежным образом, что мои исследования касаются именно того тяжелейшего недуга, который его поразил.

Клод.Так эта болезнь...

Франсис.(вполголоса).На сегодняшний день она неизлечима.(Громче.)Но он хотел меня видеть и по другой причине.

Г-жа Лемуан.О!

Франсис.Мама, ты видишь, Клод сохраняет хладнокровие.

Г-жа Лемуан.И даже чересчур. Меня одно имя этого негодяя...

Франсис.Мишелю Сандье осталось жить недолго, и он это знает. Я даже должен сказать, что к своему положению он относится с поразительной трезвостью и спокойствием.

Г-жа Лемуан.Наверное, просто рисуется...

Клод.Мама!

Франсис.На протяжении многих лет он вел жизнь... я не просил его вдаваться в подробности, но, конечно, это имеет самое непосредственное отношение к его теперешнему состоянию.

Клод.Так что дальше?

Франсис.Очевидно, ему приходится задумываться над прожитой жизнью... или, во всяком случае...

Клод.Ты об Осмонде?

Франсис.Да.

Г-жа Лемуан.Не хочешь же ты сказать...

Франсис.Он начал с большой осторожностью, но было ясно, к чему он клонит. Вспомнил, как бы между прочим, что знал тебя прежде и даже имел возможность тебя слышать... в какой-тоцеркви.

Клод.Он спросил об Эдме?

Франсис.Он только осведомился, «хорошо ли поживает ваша золовка». Ему было очень трудно сделать следующий шаг. У него ведь не было никаких оснований предполагать, что мне что-то известно; да и в любом случае... Я наблюдал, как этот несчастный пытался задать вопросы, которые упорно не желали сходить с его уст. Не надо укорять меня за то, что я ему чуточку помог.

Г-жа Лемуан.Франсис, но как же так!..

Франсис.Я ему сказал просто: «В самом деле, мне кажется, что я вас видел прежде в Сен-Лу-де-Тальваз, когда мой брат был там пастором». Больше ничего. Но как, оказывается, велика сила названий! Он очень побледнел. Он молчал, опустив глаза – вот так, – и затем сказал: «Да, у меня был дом в Сен-Лу». Тогда я сделал вид, будто только что вспомнил: «А ведь, правда, припоминаю: этот большой дом на склоне горы... Вы там живете по-прежнему?» Он опять замолчал. Мы стояли, ты понимаешь; осмотр уже, разумеется, был окончен. Я делаю шаг к двери, он не двигается с места. «Вы хотели меня еще о чем-то спросить?» «Да», похожее на выдох. Он берет мои руки в свои, тревожно заглядывает в глаза, словно допытываясь, что мне известно. Я сохраняю спокойствие. Тогда он: «Вы действительно не догадываетесь, о чем я хочу попросить вас?» что я мог ответить? Если б вы знали, до чего мне не хотелось и дальше играть в прятки с умирающим...

Г-жа Лемуан.Уверена, что он не так плох, как ты хочешь это представить.

Франсис.Ему осталось жить несколько месяцев, и он это знает.

Клод.Что дальше?

Франсис.Так вот, я ему сказал, что мне известно все. О, пусть Клод действует, как сочтет нужным. Он абсолютно свободен. Но полагаю, что я не мог поступить иначе.

Клод.Безусловно.

Г-жа Лемуан.Ты вполне мог ничего не знать: это предательство хотя бы по отношению ко мне.

Клод.К чему притворство!

Франсис.Я заканчиваю. Он просит разрешения перед смертью повидать дочь.

Г-жа Лемуан.Какие он имеет права на этого ребенка?!

Франсис.Это уже другой вопрос.

Г-жа Лемуан.Это единственный вопрос! К тому же ты не имел права брать на себя такое поручение.

Клод.Мама, ты слишком часто произносишь: «имеет право», «не имеет права».

Г-жа Лемуан(Франсису).Ты знаешь брата, знаешь, что он чересчур добр, чересчур великодушен. Я ему как раз только что это говорила.

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
Франсис. Ты сейчас предопределяешь его ответ.
Г-жа Лемуан. О, я знаю моего Клода.
Франсис. Мы не должны влиять на его решение.
Г-жа Лемуан. Кто мне запретит высказывать свое мнение?
Франсис. Но это бессмысленно. Никто не может поставить себя на его место.
Г-жа Лемуан. Мать – может. Видеть дочь? Но не думает же он, что мы откроем нашей дорогой крошке...
Клод. Он может видеть Осмонду, зайдя к нам, как любой другой.
Г-жа Лемуан. Но ты не можешь позволить этому человеку прийти к тебе в дом. Это скандал... это безнравственно! Ну скажи же, Франсис!..
Франсис. Я молчу.
Клод. Мама, я простил.
Г-жа Лемуан. Ей – возможно.
Клод. Ей, разумеется.
Г-жа Лемуан. Не ему.
Клод. Это означает только, что жизнь пока от меня этого не требовала.
Г-жа Лемуан. Если б не то преимущество, что он болен...
Франсис. Мама!..
Г-жа Лемуан. И что же, ты думаешь, он удовольствуется такой встречей с Осмондой, «в гостях»? Бог знает, какие вслед за этим он предъявит претензии!
Клод. На мою долю выпало испытание: мне с ним жить изо дня в день.
Франсис. Дружище, вот тут уже я с тобой не согласен. Все же не надо давать затягивать себя в шестерню. Ты должен сохранять полную свободу действий.
Клод. Я чувствую, что более не в силах продолжать обсуждать эти вопросы без Эдме.
Франсис. Однако было бы чрезвычайно неосторожно посвящать ее в это! Подумай, дорогой. Это чревато для нее опасным потрясением. Это – тот случай, когда, на мой взгляд, принимать решение должен ты один.
Клод. А я думаю иначе.
Франсис. Пойми меня правильно. Я ни на миг не допускаю, что в присутствии этого несчастного она может испытать что-то вроде ностальгии...
Клод. Франсис!
Франсис. Но шок, испуг – да... Вот тогда – подумай, какие последствия такое потрясение будет иметь для хрупкого организма. Ты меня прости, дружище, но ведь ты прекрасно знаешь, что твою жену нельзя назвать уравновешенной натурой; и ты собираешься с легким сердцем подвергнуть ее подобному риску? Словом, не может быть и речи о том, чтобы она с ним снова увиделась; и даже пересказать ей то, что я тебе сообщил, было бы...
Клод (горестно). Осмонда – их дочь... и, кроме того... нет, я не могу решать это за Эдме.
Франсис. Позволь, позволь; Мишель под каким-нибудь предлогом придет к тебе в отсутствие твоей жены.
Г-жа Лемуан (негодую). Я ухожу.
Франсис. Постой, мама... И когда Осмонда будет дома.
Клод. И Осмонда должна будет скрыть этот визит от матери?
Франсис. Я согласен, здесь есть определенная трудность. Надо подумать, как ее обойти...
Клод. Я не стану.
Франсис. Ну хорошо...
Клод. Уж лучше я прямо откажу ему, чем еще раз обмануть Эдме.
Франсис. Ну так откажи, в самом деле. В конце концов, этот бедолага...
Клод. Здесь на карте – наши отношения. И если мне удалось создать между нами атмосферу доверия, близости, то вы...
Франсис. Ты рискуешь снова поставить все это под вопрос.
Клод. Почему же?
Франсис. Не знаю, но я это чувствую.
Г-жа Лемуан. А где он был все эти годы? Что он, заботился об Осмонде?
Франсис. Что ты хочешь – у него были утешения. А теперь это не должно удивлять; и, кроме того, к этому нужно относиться как к мании больного.
Клод (Франсису). Меня сейчас больно задело то, как ты высказался об Эдме. Между тем она, мне кажется, проявляет себя самым достойным образом. Обрати внимание на ее жизнь: как самоотверженно она выполняет свой долг, как заполнено полезными делами ее существование...
Франсис. Да... но, возможно, именно это меня пугает.
Клод. Я тебя не понимаю.
Франсис. Так вот: меня беспокоят эта примерная жизнь, эта суровость, размеренность существования... Иногда мне кажется, что жизнь твоей жены протекает как во сне.

Они не заметили, как вошла Эдме – и внезапно обнаружили ее присутствие.

Франсис.А, здравствуйте, Эдме!(Молчание.)

Г-жа Лемуан(с явно преувеличенным интересом).Ну, как ваш Союз молодых девушек? Вы быстро вернулись, Эдме!

Эдме.Я там не понадобилась.

Г-жа Лемуан.Жаль, что вы съездили зря. К счастью, двадцать восьмой – это такой удобный автобус.(Напряженное молчание.)Что, сейчас идет дождь?

Эдме.Не знаю, может быть, слегка моросит, я не обратила внимания. Мне показалось, когда я вошла, что вы втроем что-то горячо обсуждали.

Г-жа Лемуан.Мы...

Клод.Я тебе расскажу.

Г-жа Лемуан.Да, да, он вам расскажет.

Эдме(Франсису).Возможно, я вам в скором времени пришлю девочку, которая посещает мою мастерскую; по-моему, у нее явный туберкулез.

Франсис(встал).Я в вашем распоряжении. Мама, ты идешь?

Эдме.Вы уже уходите?

Г-жа Лемуан.Когда мы теперь увидимся?

Франсис.Приходите на днях к нам пообедать.

Г-жа Лемуан.А ты не боишься, что Эжени... Мне кажется, она сейчас не слишком расположена к приему гостей...

Разговор продолжается за дверью. Клод и Эдме провожают их и сразу же возвращаются.

Клод.Я рад, что ты рано вернулась.

Эдме.Выслушай меня, Клод.

Клод(глядя на нее).Да, знаю.

Эдме.Относительно твоей матери.

Клод.Да.

Эдме.Сперва меня это потрясло. Нет, дай мне договорить, дорогой.(Берет его руки в свои.)Но затем я как следует поразмыслила. Вероятное тот момент я была неправа, взяв с тебя такое обещание. Но тогда меня ужасала мысль, что кто-то будет знать об этом.

Клод.Да, да.

Эдме.Особенно – твоя мать. Она так судит всех, при этой своей показной терпимости!

Клод.Эдме!

Эдме.Ну, да это не важно. Пусть только об этом не будет больше разговоров, вот и все.

Клод.Моя дорогая, это так великодушно с твоей стороны. Я боялся, что ты...

Эдме.Не будем о великодушии, хорошо?.. Совершенно очевидно, что ты не имел в отношении меня никаких обязательств, – и было безрассудством думать иначе.

Клод.Уверяю тебя, когда я давал это обещание...

Эдме.Да, в тот момент. Но не будем это обсуждать, повторяю тебе, я понимаю, или, во всяком случае...

Клод.Ты меня прощаешь?

Эдме.Не смейся надо мной, Клод!

Клод.Я только что говорил маме...

Эдме.Так вы об этом говорили втроем, когда я вошла?.. Нет, лучше не отвечай. Так что твой брат тоже посвящен.(В волнении стискивает руки.)

Клод.Когда ты меня упрекаешь в том, что мной якобы руководило некое чувство внутреннего превосходства...

Эдме.Я тебя ни в чем не упрекаю. Все равно, в основе ситуации – то, что есть.(С расстановкой.)Ты меня, во всяком случае, «простил».

Клод.Дорогая, но ведь ты хорошо знаешь, что я понимаю под этим словом; я тебе объяснял.

Эдме.Да, ты мне много чего объяснял.

Клод.Ты мне даешь повод для стольких угрызений! Не говоря уже об этом обмане...

Эдме.Я хотела бы задать тебе лишь один вопрос. Только что твоя мать в разговоре со мной намекнула на некий душевный кризис, через который ты когда-то прошел... Поверь, я несобираюсь упрекать тебя в том, что ты тогда не доверился мне. Нет, я только хотела знать дату.

Клод.Я тебя не совсем понял.

Эдме.Когда именно тебе довелось пережить сомнения в себе?

Клод.Но это ведь не болезнь, их трудно датировать.

Эдме.Ты как будто в смущении?

Клод.Нет, несколько. Должно быть, это было в девятьсот втором году.

Эдме.То есть в момент, когда у тебя еще не было никаких подозрений?

Клод.Нет, совершенно.

Эдме.А после того – твои сомнения рассеялись?..

Клод.Но подумай, это ведь не дело одного дня или одного месяца... Это было скорее как бы медленным преобразованием меня самого, обновлением.

Эдме.Я здесь была ни при чем?

Клод.Не понимаю.

Эдме.Я... ну, мой поступок... моя измена. То, что ты, после того как узнал всю правду, вновь укрепился в вере во Всевышнего – это простая случайность?

Клод.Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Случайность ... нет, конечно же, это не было случайностью.

Эдме.Вот все, что я хотела знать.

Клод.Я не думаю, что в этой сфере вообще возможна случайность.

Эдме не отвечает; она подошла к оставленному рукоделию, склонилась над ним.

Клод.Я так хотел бы, чтобы ты поняла, что тогда происходило во мне.

Эдме.Вероятно, это слишком трудно.

Клод.В первое время нашего супружества...

Эдме(поднимая голову).Неужели ты собираешься вернуться к этой теме?

Клод.Мне словно никак не удавалось дотянуться до тебя; я чувствовал, что я все время – не с тобой, а возле... Ты не слушаешь меня.

Эдме.Нет, нет, слушаю.

Клод.Это отсутствие контакта жестоко мучило меня. Мне казалось, что мне не дано главное... Ты ведь помнишь, какие глубокие разочарования я испытывал в Сен-Лу с моими неопитами, историю маленькой Женеврие.

Эдме(по-прежнему склонившись над работой).Я что-то плохо улавливаю связь.

Клод.Но связь здесь прямая. Сомнения, о которых ты говоришь, – по сути они касались моих способностей, призвания, если угодно.

Эдме.Да... я была для тебя такой «осечкой».

Клод.Ты знаешь, как я неуверен в себе.

Эдме.Нет... не знаю.

Клод.И вот постепенно... когда ты больше не веришь в себя – почва словно уходит из-под ног. Не остается ничего... Конечно, я не то чтобы ощущал это постоянно: скорее это было похоже на приступы; состояние душевного упадка возвращалось все чаще. Результатом всякий раз становилось чувство приниженности, слабости, страха перед собственной слабостью. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Эдме.Смутно.

Клод.И тогда мне довелось пережить это...(Неопределенный жест.)

Эдме(со скрытой иронией).Испытание.

Клод.На этот раз уже была действительно абсолютная пустота. Я был невыносимо одинок. Я потерял разом жену, ребенка. Первое время мне казалось, что я этого не вынесу. Это правда, ты это знаешь. Но затем, понемногу, словно замаячил свет вдали.

Эдме.Вот именно.

Клод.Что?

Эдме.Ничего. Я только подтверждаю, что ты выразился совершенно недвусмысленно.

Клод.То, что происходило, было исполнено значения... словно к самому глубинному, что есть во мне, был обращен некий призыв.

Эдме.Это Бог говорил с тобой.

Клод.Впервые я оказался лицом к лицу с самим собой: от меня требовалось понять, кто я... и, возможно, меня спасло осознание моей бесконечной слабости.

Эдме.Иными словами, во всем этом важно было лишь то, что происходило с тобой, – разумеется.

Клод.Я молился с горячностью, какой не знал за собой прежде.

Эдме.За кого же ты молился?

Клод.За нас обоих; молился о том, чтобы Бог помог мне быть тебе опорой: и постепенно у меня возникало ощущение, что мое страдание превращается в живую и действенную силу.

Эдме.Да... Словом...

Клод.Что?

Эдме.Ничего. Я нахожу, что все это великолепно.(Оба долго молчат.)

В гостиную входит Осмонда.

Клод.Ну как, вы хорошо прошлись?

Эдме.Кто тебе открыл?

Осмонда.Фелиси вернулась. Пошел дождь, малыши устали, они достаточно нагулялись.

Эдме.Что ты теперь собираешься делать?

Осмонда.Я зашла за книжкой; почитаю им немного.

Эдме.Не забудь: мадемуазель Жантиль – в пять часов... Осмонда!

Осмонда(нервно).Что тебе, мама?

Эдме.Тебе не кажется, что можно было бы подать этому господину мысль взять гувернантку?

Осмонда.Не надо, мама...

Эдме.Ты проявляешь здесь услужливость, которая отнюдь не в твоём характере.

Осмонда.Папа, ну, пожалуйста!..

Эдме.Ты мне сама говорила, что девочки – самые заурядные.

Осмонда.Они очень славные.

Эдме.Короче, я решила написать господину Мегалю, что твои занятия не позволяют тебе и дальше посвящать себя его детям.

Осмонда.Но это будет неправдой.

Эдме.Это будет совершенно справедливо.

Осмонда.Папа, я прошу тебя уделить мне сегодня вечером пять минут. Всего пять минут. Хорошо?(Уходит.)

Клод.Я с тобой не совсем согласен.

Эдме.Однако ты должен был бы взглянуть на вещи трезво.

Клод(неуверенно).Я хотел тебе сказать другое. По поводу того, что мне только что сообщил Франсис.

Эдме.Что же?

Клод(как бы сам себе).Боже мой! Наверное, он был прав... но я не могу.

Эдме.Это так серьезно?

Клод.Это тревожно.

Эдме(подходит к нему, ласково).Так что ты хотел сказать?

Клод.Эдме, мне так нужна твоя нежность!..

Эдме.Если бы я была в этом уверена...

Клод.Так вот... он был на консультации у Франсиса, он очень болен.

Эдме.О ком ты? (Клод пристально смотрит на нее.)А!..

Клод.Франсис говорит, что его состояние вызывает худшие опасения. Он изменился до неузнаваемости. И он... хотел бы видеть дочь. Один только раз.

Эдме.Надо отказать.

Клод.Не знаю.

Эдме.Надо отказать!

Клод.Но почему же?

Эдме.Не могу объяснить, но я это твердо знаю. Это невозможно, ты и сам понимаешь.

Клод.Послушай, любимая, я не имею права скрывать от тебя истину. Франсис говорит, что ему осталось жить совсем немного. Пойми меня. Быть может, ты права, не знаю. Но уверена ли ты вполне, что это не будет... в некотором роде низостью?..(Эдме вздрагивает.)Вы бы не встретились, он зашел бы к нам в твоё отсутствие.

Эдме.Ты уже все продумал!.. Чудовищно. Но кто ты, наконец!

Клод.Речь идет об умирающем.

Эдме.Так для тебя прошлое – упразднено, его словно не было! А то, что он обнимал меня, привлекал к сердцу... Ты не мужчина.

Клод.Замолчи.

Эдме.О! Ты все можешь выслушать. Там, где дело касается меня, тебе не занимать хладнокровия.

Клод.Эдме, твои слова кощунственны...

Эдме.Это великодушие – которое тебе ничего не стоит – внушает мне ужас!

Клод.Ничего не стоит!.. Но когда я простил тебя...

Эдме.Что мне твое «прощение», если ты простил меня не потому, что любил!(Рыдает.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер того же дня. Рабочий кабинет Клода. Узкая, вытянутая в длину комната с высокими книжными шкафами, полки которых доверху заставлены сброшюрованными изданиямиин-октаво; посреди комнаты – рабочий стол, заваленный бумагами, на нем – керосиновая лампа. Восемь часов. Клод погружен в чтение. Стучат.

Клод.Да?..

Осмонда(за сценой).Это я, папа.

Клод.Входи, девочка.(Осмонда входит в боковую дверь.)Ну, что там у тебя такое?(Помолчал.)Однако не кажется ли тебе, что это не слишком хорошо по отношению к маме – хотеть поговорить со мною одним?(Движение Осмонды.)А если я попрошу ее прийти тоже?Осмонда.Тогда я уйду.

Клод.Осмонда!

Осмонда.Это именно насчет мамы... ну, мамы и меня... Словом, ты понимаешь... Видишь ли, папа, я несчастлива.

Клод.Моя дорогая!..

Осмонда.О, я совсем, совсем несчастлива. В прошлый раз ты говорил в своей проповеди, что наше счастье – в нас самих.

Клод.Ты знаешь, что это так.

Осмонда.В моем случае, папа, это не так... Мне кажется, все во мне заставляет меня страдать. А если есть там и другое – оно так глубоко скрыто во мне, так... О! Мама прекрасно знает, что я несчастлива, и, по-моему, это ее только злит.

Клод.Ну, а что тебя все-таки мучает: есть какая-то особая причина?

Осмонда.Скорее, все причины вместе. Прости меня, я знаю, что причиняю тебе боль.

Клод.Дорогая, нужно мне говорить все... и почему ты пришла с этим только сейчас? Ты не думаешь, что для меня это ужасно?

Осмонда.Папа, ну пожалуйста, не надо.

Клод.Однако я должен был и сам заметить, что с тобой творится что-то неладное. Если сердца даже самых близких непроницаемы...

Осмонда.Наверное, это именно оттого, что я совсем рядом... Ты спрашиваешь, почему я не пришла раньше. Мне трудно ответить на этот вопрос.

Клод(с горечью).Вероятно, ты мне не доверяешь.

Осмонда.О нет, папа! Я доверяю только тебе.

Клод.Осмонда!.. А мама?

Осмонда.Мама – человек, который никогда не поможет. Прежде всего, она так судит каждое твое слово, каждый шаг... меня это парализует – правда, до определенного момента. Ну, а ты так занят, у тебя столько забот, ты должен облегчать страдания многих людей. Всякий раз создается ощущение, что я тебя краду у кого-то! И потом, конечно, в сравнении с тем, с чем сталкиваешься ты...

Клод.Ты мне сказала, что у тебя есть все основания не быть счастливой.

Осмонда.Это значит, что я не вижу ничего впереди, жизнь меня не привлекает.

Клод.Осмонда, что ты говоришь!

Осмонда.Ну да, ведь в твоих глазах жизнь – это дар Божий, не так ли? – нечто возвышенное, великодушное. Жизнь! Ты произносишь это слово с трепетом в голосе. А мне – напротив, она кажется мелкой, ничтожной. Моя жизнь...

Клод.Но ведь перед тобой...(делает широкое движение рукой.)

Осмонда.Замужество... дети... Ты это хочешь сказать?(Клод молча кивает головой.)Погляди вокруг. Генриетта Беланже, Жанна Шильд... они замужем, у них дети. Но я не вижу ничего завидного в их существовании; не только завидного – интересного!

Клод.Тебе не кажется, что ты судишь очень поверхностно?

Осмонда.Они живут стесненно, трудно...

Клод.Так вот ты о чем!

Осмонда(нервно).Но дай же мне сказать... Допустим, что они счастливы; может быть. Это значит, что у них мужья, которые им не изменяют...

Клод.Дорогая!

Осмонда.Дети, которые растут, не причиняя им особых хлопот, – болеют не чаще двух или трех раз в год. Нет, моей душе это ничего не говорит. Я не знаю, кому нужна такая жизнь. Если моя должна быть скроена по этой мерке...

Клод.Но мерки не бывает! Каждая из этих жизней заключает в себе собственную тайную красоту.

Осмонда.Вот именно, тайную: как ты верно выразился!

Клод.Чтобы оценить ее внутреннюю неповторимость, ее нужно прожить.

Осмонда.Благодарю: с меня достаточно моей... Если б это хотя бы не были растажиженные образцы, тысячи, миллионы одинаковых существований... словно газеты или брошюры. Да, точно: брошюры.

Клод.А тебе не кажется, что тут в тебе говорит... скажем, гордость?

Осмонда.Ну, знаешь, без гордости...

Клод.Сообразовываться с законами жизни, делать их своими; не только принимать их с готовностью, но и, в свою очередь, желать их.

Осмонда.Все это слова. Желаеть ты или не желаеть...

Клод.Это не слова, моя дорогая, это великая истина. Получать, чтобы давать.

Осмонда.Что получать? А давать – что?.. и потом, в самом деле, если все это – для того, чтобы передать другим, которые передадут это в свой черед, – к чему такая игра? Этот бесконечный бег вслепую?

Клод(нежно ее обнимая).Так это смятение – оно, по сути, означает, что ты...

Осмонда.В моем положении надо было бы пытаться найти опору в вере

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
других... До сих пор меня поддерживала твоя вера: твоя вера в меня. Но когда тревога чересчур разрастается, этого оказывается недостаточно. И сейчас...

Клод. Так у тебя есть повод для огорчения?

Осмонда. Нет, это не огорчение.

Клод. Беспокойство?

Осмонда. Да, скорее.

Клод. Ты не хочешь назвать мне причину? (Машинально достает часы.)

Осмонда. Смотришь на часы?

Клод. Ты же знаешь, мне скоро надо уходить.

Осмонда (с горечью). У тебя слишком много обязанностей, папа. Быть только очередным номером между девушкой-матерью с улицы Западной и паралитиком с авеню дю Мэн: если ты думаешь, что это облегчает мне признания... И потом, ты их выслушиваешь слишком много, от всех поголовно. У тебя это почти что ремесло. Не хочу обидеть тебя, но меня это расхолаживает...

Клод. Но дорогая моя, ты же знаешь, что ты – совсем другое дело!

Осмонда. Да, я ведь, как-никак, не «серийного» образца.

Клод. Ты сейчас говоришь, как твоя мать.

Осмонда. О! Ты находишь?

Клод. Да; к тому же, когда она была в твоём возрасте...

Осмонда. Послушай, это, конечно, не очень-то деликатно, но должна тебе признаться, что мысль выйти замуж даже за кого-то похожего на тебя... за кого-то, чья душа была бы сродни твоей, отпугивает меня. Ну, а выйти за посредственность – это было бы ещё хуже. Жизнь внушает мне страх.

Клод. Дорогая, твое беспокойство...

Осмонда. О, я знаю все, что ты мне скажешь. В прошлом месяце у тебя была проповедь на эту тему.

Входит Эдме.

Эдме. Звонят, Осмонда. Ты же знаешь, что фелиси нет.

Осмонда. Кто это может быть в такое время? (Выходит. Молчание.)

Эдме. Ты сегодня вечером уходишь?

Клод. Да, но ещё рано. Форстмейер будет у себя не раньше десяти.

Эдме. Что за мысль – вызвать тебя к такому часу!

Клод. Он и себя ничуть не бережет.

Эдме. К тому же эта беседа представляет столь малый интерес...

Клод. И тем не менее в её предмете заложена великая идея.

Эдме. Главным образом великие слова. Слияние церквей... Ведь в глубине души ты сам в это веришь не больше, чем я.

Клод. Если не верить, то ясно, что идея не осуществится.

Осмонда (входя). Это фелиси. Папа, она принесла тебе письмо от дяди Франсиса.

Эдме (с удивлением). От Франсиса?

Клод. Нужен ответ?

Осмонда. Фелиси не знает. Она в ярости, что её посылают с поручением в воскресный день.

Клод вскрывает письмо. Эдме смотрит через его плечо; резко вздрагивает.

Осмонда. Что, мама?..

Эдме. Невероятно!

Клод. Осмонда, скажи, пожалуйста, фелиси, что ответа не будет. (Осмонда выходит.)

Эдме. Нельзя идти на этот чудовищный риск. Скажи консьержке, что ты вышел... или что я больна... что угодно, но только чтобы его не впускали, если он придет.

Клод. Но это невозможно. И потом, к чему этот обман!

Эдме. Подумай лучше о жене, а не о консьержке. И кроме того, ты ведь действительно должен уйти... Клод, это больной человек!

Клод. Вот именно.

Эдме. Но ты же видишь, он только что снова побывал у твоего брата. Это мания. Он безумец; я против того, чтобы он являлся сюда!

Клод. Дорогая, чуточку хладнокровия.

Эдме. Опять! Клод, все у нас – вопреки разуму! Если бы я согласилась принять этого человека, твоим долгом было бы воспротивиться этому!

(Осмонде, которая в этот момент входит.) Оставь нас на минутку, милая.

Осмонда. Вы говорили обо мне?

Эдме. Нет.

Осмонда. Папа, ты не пересказывал то, что я тебе сказала?

Эдме. Что за секреты опять?

Клод (Осмонде). Это мы по поводу письма, которое я сейчас получил.

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org

Эдме.Тебе незачем пускаться в объяснения.

Осмонда.У вас обоих такой взволнованный вид!

Клод.Просто мы в некотором затруднении... мы с твоей мамой разошлись во мнениях по одному вопросу.

Осмонда окидывает их недоверчивым взглядом и медленно выходит.

Эдме.Ты слышишь – я против того, чтобы этот человек явился сюда.

Клод.Я жду, чтобы ты успокоилась.

Эдме.Но ты, ты!.. Подумать только: я никогда не видела тебя в гневе!(Ее охватывает нервная дрожь.)Ты полагаешь, я не знаю, какие мысли тебе сейчас приходят в голову? Ты презираешь меня за то, что я вне себя!

Клод(тихо).Дорогая, но твой крест – я несу его вместе с тобой.

Эдме.Клод, ты мне муж, не священник!

Клод(так же тихо).То, что сейчас с нами происходит, ниспослано нам; это не может быть... случайностью. Эдме, это испытание...

Эдме.Вечно это ужасное слово!

Клод.Мы должны его пережить как христиане.

Эдме.Ты не способен пережить это как человек!

Клод.Ты не хочешь помолиться со мной?

Эдме(умоляющим тоном).Пусть скажут, что тебя нет. Осмонда!

Эдме уходит. Клод остается один, он погружается в молчаливое раздумье, руки его скрещены.

Эдме(возвращается).Не знаю, где она. Я спущусь. (Клод не отвечает.)Клод! Но зачем, в конце концов... ты это ради него или ради нас?

Клод(медленно).Если мы дрогнем перед этой встречей, это докажет... как тебе сказать... что прошлое не умерло, что мы его не преодолели. Это было бы малодушием... недостойным нас. Но скажи, чего ты боишься?

Эдме.Всего.

Клод.Кому-то принадлежит высказывание: «Страх – это ощущение долга».

Эдме.Ты знаешь, что это не так. Мой бог, ты рассуждаешь, ты цитируешь... Долг! При чем здесь долг? О, послушай! Что, если это все-таки спектакль, который ты разыгрываешь передсамим собой, некая поза...

Клод.Спектакль...

Эдме.Неосознанный, конечно...

Клод.Вот до чего ты договорилась!

Слышен голос Осмонды за кулисами: «Прошу вас, сударь, проходите. Отец дома, я спрошу его...»

Осмонда(входит).Папа, здесь господин, который хочет тебя видеть.

Клод неподвижен.

Эдме(пристально смотрит на него).Имя этого господина?

Осмонда.Господин Сандье.

Эдме.Будь добра, скажи, где ты сейчас была?

Осмонда.Я зашла пожелать спокойной ночи малышам наверху.

Эдме.А... Отлично!

Осмонда.Я встретила этого господина на лестнице, когда спускалась... У меня был с собой ключ, и он вошел со мной.

Эдме.Клод, так мы принимаем этого господина? (Клод ничего не отвечает.)

Осмонда.Что с тобой, папа?

Эдме.Отец не совсем хорошо себя чувствует.

Осмонда(подходя к Клоду, нежно).Что случилось?

Клод.Немного кружится голова.

Осмонда.Я скажу этому господину, что ты не можешь его принять.

Эдме(после напряженной паузы).Пусть войдет... Это человек, которого мы с твоим отцом знали прежде.

Осмонда уходит, слышны ее слова: «Сударь, пожалуйста, пройдите сюда...» Появляется Мишель Сандье – человек лет сорока пяти – пятидесяти, высокий, сгорбленный, лицо иссушено болезнью.

Мишель(поклонившись).Сударыня... Сударь... Мне очень неловко, что я явился к вам в столь неурочный час.

Клод.Мой брат предупредил меня, что, возможно, мы будем иметь удовольствие видеть вас сегодня вечером... Я думаю, нет смысла представлять вам нашу дочь? Ведь знакомство уже состоялось.

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
Мишель(поворачиваясь к Осмонде).В самом деле, это мадемуазель, которая...
Клод.Насколько я понял, вы в Париже проездом?
Мишель.Да, возможно, я уеду уже завтра.
Эдме(делая над собой усилие).А приехали вы...
Мишель.На прошлой неделе... Но я не выношу Парижа, я задыхаюсь здесь. (Молчание.)
Клод.Мне тоже в свое время очень трудно было привыкнуть.
Мишель.Но ведь вы приехали сюда не прямо из Ардеша?
Клод.Да, у меня сперва был приход на севере, в Эскершене, неподалеку от Лилля.
Мишель.Должно быть, это был сущий ад.
Клод.Нет, почему же, от этих лет у нас остались прекрасные воспоминания; правда, Эдме?
Эдме.Как сказать...
Мишель.Я думаю, господин Лемуан не имел в виду природу.
Клод.И все же эти печальные просторы не лишены величия.
Мишель.Я всякий раз опускаю шторы, проезжая эти места по железной дороге.
Клод.Но тамошнее население как-то по-особому душевно.
Мишель.Да?
Клод.Мы с женой бывали свидетелями многих трогательных сцен. Вспоминаешь Гюго...
Мишель.Мадемуазель Осмонда, мы старые знакомые, хотя вы и не подозреваете об этом. Я видел вас совсем крошкой в те времена, когда жил в Сен-Лу-де-Тальваз, в большом доме, чуть повыше дома священника. Я часто бывал у ваших родителей; сейчас вы у меня перед глазами такая, какой были тогда... Несколько месяцев назад я проезжал через Сен-Лу.
Клод.Должно быть, с тех пор в нем мало что изменилось.
Мишель.Там построили лесопильню, которая уродует весь вид. Еще десять лет, и не останется нетронутого пейзажа.
Клод.Однако лесопильня...
Мишель.Так ведь видишь только ее.
Осмонда.Ну, это как газовый завод в Фонвиль-Сен-Венсене. У нас была небольшая вилла на склоне прибрежной горы, оттуда открывалась обширная панорама – а в глубине торчала вышка газохранилища!
Клод.Никогда не замечал газохранилища.
Осмонда.Счастливый у тебя характер, папа, ты всегда видишь только то, что тебе по душе.
Мишель.Погодите, кажется, я прошлым летом проезжал на машине Фонвиль-Сен-Венсен. Это между Дьеппом и Трепором?
Осмонда.Совершенно верно.
Мишель.Впечатление было ужасное. Между двумя укрепленными насыпями – кубы пыльного, похожего на нугу месива!(Осмонда смеется.)
Клод.Однако тебе там нравилось, Осмонда.
Эдме.Действительно!
Осмонда.По сути, впечатление о каком-либо месте может вполне сложиться лишь по прошествии времени. Когда я сейчас думаю о Фонвиле, то не испытываю ни малейшего энтузиазма, можешь мне поверить.
Мишель.По-моему, это очень верно сказано. Подлинны лишь воспоминания; в них – мы сами.
Клод.У нас там завязались некоторые приятные знакомства; и потом – море... Ты меня в самом деле удивляешь, Осмонда.
Эдме.Что тебе за охота принимать ее браваду всерьез!
Мишель.Кстати, в музыке, например, это тоже так: непосредственное впечатление почти всегда обманчиво.
Клод.Не спорю; здесь я не судья.
Мишель.Мадемуазель Осмонда, вы...
Осмонда.Я очень люблю музыку, но у меня так редко бывает возможность что-то послушать.
Мишель.Вы не играете ни на каком инструменте? Но, помнится мне, ваша матушка...
Эдме.Я все это забросила двадцать лет назад.
Мишель.Если память мне не изменяет, у вас был великолепный «Эрар», на котором вы...
Эдме.Мы его отдали.
Мишель.В вашей жизни, такой сосредоточенной, целенаправленной, фортепьяно – это искушение.
Эдме.В Эскершене нам даже некуда было его поставить.
Мишель.Жаль. (Молчание.)Проезжая через Сен-Лу-де-Тальваз, я сделал пару снимков. (Осмонде.)Мадемуазель, может быть, они вас заинтересуют: вам, наверное, часто доводилось слышать об этом скромном местечке. (Передает

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
Осмонда(две-три небольшие фотографии.)
Осмонда(рассматривая их).Великолепные фотографии!
Мишель.Это хороший маленький фотоаппарат.
Осмонда.Папа, взгляни!(Клод смотрит через ее плечо.)Какой прозрачный свет! И эти сосны на фоне неба!
Мишель.Вы любите сосны?
Осмонда.Люблю ли я сосны!.. Папа, помнишь – возле озера Шиберта?? Их силуэты, запах, изгибы ветвей при порывах ветра...
Мишель(дрогнувшим голосом).Я тоже очень люблю все это.
Клод(внезапно).Боже мой! Мое свидание!
Эдме.Так не ходи!
Клод.Форстмейер приедет специально ради этой встречи.
Эдме.Совершенно неизвестно.
Клод.В прошлый раз он уже прождал меня напрасно.
Эдме.Это было не по твоей вине.
Клод.Нет, не могу... (Мишелю, с чувством неловкости.)Если вы собирались поговорить со мной о чем-то, может быть, мы могли бы выйти вместе?(Мишель не отвечает.)Правда, это в двух шагах, времени у нас все равно было бы мало... Я очень сожалею. Если бы вы меня раньше предупредили...(Он заметно растерян.)
Мишель(вставая).Может быть, мы условимся о другой встрече?
Клод.Но если вы завтра уезжаете...
Мишель.Это еще не решено.
Клод.Тогда... договоритесь об этом с женой. До свидания, и извините, что я вас так спешно покидаю.(Уходит.)
Мишель.Мне кажется, господин Лемуан чрезвычайно занятой человек.
Осмонда.Папа слишком добросовестен.(Протягивает руку Мишелю.)Спокойной ночи, сударь.
Мишель.До свидания, мадемуазель, был счастлив возобновить знакомство.

Осмонда уходит, Мишель провожает ее долгим взглядом.
Эдме(вполголоса).Зачем вы это сделали?.. Если бы я одна решала, вас бы не приняли.
Мишель.Вот как?
Эдме.А сейчас – умоляю, уходите.
Мишель.Почему?
Эдме.Прежде всего ради дочери.. и кроме того.. я не могу вас видеть.
Мишель.Это потому, что я недостаточно изменился с тех пор, либо – наоборот?.. Разумеется, вы осведомлены о моем состоянии. Впрочем, в ином случае, я полагаю, он бы не потерпел.. Ну, а при нынешнем положении вещей это – почти профессиональный долг.
Эдме.О! Замолчите.
Мишель.Решительно, ваш муж бесподобен, во всех отношениях. Потрясающе! Живое воплощение альтруизма. Он все воспринимает в соответствии с амплуа. Вы говорите, что не можете меня видеть. А знаете, вот ведь что интересно: мне ничего не стоит находиться сейчас подле вас, ровным счетом ничего. Что бы ни твердили романисты... есть куски нас самих, которые – словно отмершая кожа: режь ее – не выступит ни капли крови. К тому же я прошел недавно через любопытный опыт. Открываю газету – и вижу: «Извещают о кончине госпожи Клод Лемуан»... однофамилица. Так вот, я бы не сказал, что... Впрочем, подумайте сами, это так далеко. Это было не с нами.
Эдме(опустив глаза).Удобная позиция.
Мишель.Я думаю, мы умираем полностью, целиком, но живем – по частям.
Эдме(с горечью).Очевидно, это так для мужчин; ну а я – я не менялась.
Мишель.Вы полагаете?
Эдме.Абсолютно не менялась.
Мишель.Так значит...
Эдме.О, из этого ничего не следует. Мне кажется, что я никогда никого не любила.
Мишель.Я сам давно пришел к этому выводу. Вы никогда никого не любили, и, возможно, именно поэтому...
Эдме.Поэтому сообщение о моей смерти даже не заставило вас вздрогнуть.
Мишель.За последнее время... ну, словом, с тех пор, как я всецело сосредоточился на том, что меня ожидает... в памяти моей промелькнуло множество лиц. Там было ваше.
Эдме.Среди многих других.
Мишель.Я не считал... Лицо холодное, напряженное; в нем не прочесть жалости. Но и смелости – тоже. Взгляд безразличный, глаза тусклые. О, я думаю, они сияли временами, эти глаза, – но я этого не помню...
Эдме.Ну а поскольку истинны лишь воспоминания...
Мишель.Именно.(Молчание.)

Эдме. Так я должна была чувствовать к вам жалость? Право, занято!

Мишель. Но – поскольку это случилось не с нами – вам не кажется, что бесполезно вызывать все это в памяти? Если бы вы знали, до чего прошлое лишено для меня прикрас! Я вижу эту... ну, скажем, идиллию – в сумеречном свете.

Эдме. Но не таков был свет в Сен-Лу.

Мишель. Возможно.

Эдме. Двадцать лет прошло, а вы все еще испытываете ко мне... такую враждебность! Почему вы смеетесь?

Мишель (помолчав). Потому что это слово здесь малоуместно. Вы не хотите мне поверить, когда я говорю, что теперь... Но тогда я действительно переживал и ненавидел – смертельно!

Эдме. Так вы меня любили?

Мишель. Клочок моего существа любил вас, но поскольку он мертв...

Эдме. Это только слова.

Мишель. Если бы вы знали, какую малость представляет собой то, что еще живо во мне... Этого так мало, что нечем даже оплакать все остальное.

Эдме (дрожащим голосом). Я не понимаю, в чем вы меня уличаете. Бог мой! Двадцать лет спустя вы меня еще мучаете...

Мишель. Я? Мучаю вас? Как вы были правы только что, говоря, что остались той же... Я вспоминаю вашу манеру упрекать меня за слова, которые вы же у меня вырывали. Впрочем, другие женщины делали то же самое.

Эдме. Даже в ту пору были другие женщины!

Мишель. Вам хотелось так думать – не стану рассеивать ваше заблуждение.

Эдме. Не понимаю.

Мишель. Та сцена ревности, которую вы мне устроили как-то вечером на маленьком вокзале, где мы дрожали от холода, на обратном пути из Баланса... (Качает головой, с улыбкой.)

Эдме. Вы хотите сказать, что тогда я была неискренна?

Мишель. Все женщины искренни; все они лукавят.

Эдме. Чувствуется богатый опыт.

Мишель. Должен с сожалением сообщить вам, что после нашего разрыва я не оставался вам верен.

Эдме. Впрочем, вы и не скрывали от меня своих намерений. Ваше письмо...

Мишель. Мой ответ. Из вашего мне следовало заключить, что вы возвращаете мне свободу.

Эдме. Вы сумели воспользоваться ею более чем...

Мишель. Да.

Эдме. Узнаю вас.

Мишель. Свобода, которую вы мне вернули, – я ею воспользовался столь широко, что... собственно, от нее и умираю; все очень просто. И вы подтвердите, что в моем голосе нет дрожи.

Эдме. Мое письмо могло вас убить, однако в нем не было ни слова, которое могло бы вас оскорбить.

Мишель. То, как вы открыли нашу связь мужу, и затем – эта трусливая потребность в искусственном примирении...

Эдме. Почему – трусливая? Я шла на риск.

Мишель. Никакого риска не было, и вы это знали, черт возьми. Я-то помню, что вы говорили о вашем муже! Нет, вы взвесили все – и рассудили, что моральный комфорт, безопасность, душевный покой и все такое прочее...

Эдме. Я ничего не взвешивала. Та жизнь, построенная на обмане, внезапно стала внушать мне ужас.

Мишель. Вот так, внезапно?..

Эдме. К тому же, если бы вы захотели...

Мишель. А именно?

Эдме. Если б вы предложили мне уехать с вами, я бы согласилась.

Мишель. Но я вам это предложил, и вы отказались.

Эдме. Я чувствовала, что вы колеблетесь; если бы вы настояли...

Мишель. Не кажется ли вам эта дискуссия о любви нашей юности жалкой и даже комичной? Что до меня, я через три месяца окажусь на Пер-Лашез, а вы... да Бог мой, у вас уже могли бы быть внуки. Так о чем же...

Эдме. Когда вы только что сказали...

Мишель. Что?

Эдме. Не хочу повторять... фразу о вашей свободе. Это звучало так, словно вы считаете меня виновной в вашем нынешнем состоянии...

Мишель. Что за бред!

Эдме. Да, вы сказали это тоном, который мне хорошо знаком... Так это было не всерьез? Скажите мне, вы это говорили не всерьез? Вы словно влили мне в жилы яд... это жутко... Но прежде всего, если бы я вам действительно была дорога, вы бы не ограничились одним-единственным предложением, сделанным в порыве экзальтации; вы бы вернулись к нему...

Мишель(пристально глядя на нее).Подумайте: не потому ли, что вы знали, что я повторю свое предложение, и боялись этого...

Эдме.Что вы хотите сказать?

Мишель.Не потому ли вы открылись ему во всем? Вы словно спешили воздвигнуть между нами непреодолимое препятствие.

Эдме.Не понимаю.

Мишель.Его мягкость, великодушие, которые вы учли наперед...

Эдме.Как я могла их предвидеть?

Мишель....которые вы учли наперед, делали ваш отъезд невозможным. Вы только что говорили о риске: но что до подлинного риска, ваше малодушие не позволило вам отважиться на него. Вы выбрали самый легкий путь – путь признания. Вы даже не возражаете: это слишком очевидно. Повторяю, я больше не сержусь на вас. Я так давно уже... Да что там говорить, любовь... (почти с отвращением).Хотелось бы, прежде чем уйти из этого мира, встретиться с чем-то менее затасканным, менее изуродованным. (Смотрит в направлении, куда ушла Осмонда. Эдме с тревогой наблюдает за ним.)К тому же...

Эдме.И все-таки вы не ответили на мой вопрос... Ужасно остаться наедине с этой мыслью!

Мишель.С какой мыслью?

Эдме(сжимает голову руками).Что это во многом по моей вине.

Мишель.Я вижу, вам бы очень хотелось, чтобы я дал вам письменное заверение. Искренне сожалею, но не могу... Прежде всего, вам не хватило воображения. Вы не поверили в то, что я вас люблю. Не надо пугаться этого слова: во-первых, потому что это уже так невероятно далеко, а во-вторых, оно уж очень отдает мерзкой болезнью. Но будь в вас тогда чуть больше здравого смысла и чуть меньше добродетели, возможно, у нас двоих сложилась бы жизнь, – тогда как после вашей исповеди... еще бы!.. вы, как я полагаю, впали в спячку... ну, а я покатился под гору. Достаточно взглянуть на меня. Этого не передашь словами.(Встает.)Теперь послушайте. Я заметил только что, что вы меня поняли с полуслова. Надо мне дать возможность видеть малышку. О, сделайте милость, не приписывайте мне бог весть каких сентиментальных чувств. Нет, просто это способно меня отвлечь, вот и все. А в моем состоянии – так мало мыслей, которые были бы не о...

Эдме.Вы отлично знаете, что это невозможно. Видеть ее – под каким предлогом? Как ей объяснить?

Мишель.О, скажите что угодно. Хотите, я буду давать ей уроки фортепьяно? Ладно; вы подумаете – и найдете нужный предлог. До свидания. Отсюда – налево, так ведь?

Сандье уходит. Эдме не провожает его. Она чрезвычайно возбуждена. Садится, берет книгу, кладет ее на стол. Встает, идет в глубь сцены, приоткрывает дверь в комнату Осмонды.

Эдме.Я думала, ты уже легла. Кому ты пишешь? Пожалуйста, зайди сюда на минутку. (Осмонда входит; она в пеньюаре.)

Осмонда.По-моему, бесполезно затевать дискуссию.

Эдме.У меня тоже нет ни малейшего намерения спорить. Ты опять поднялась наверх без нашего ведома?

Осмонда.Я не делаю из этого никакой тайны. Кто был этот господин, только что удалившийся? Почему мне никогда не говорили о нем?

Эдме.Один давнишний знакомый, которого мы совершенно потеряли из виду.

Осмонда.Что за странная мысль – прийти к людям в этот час!

Эдме.Надо полагать, он выбрал редкий момент, когда мог освободиться.

Осмонда.Очень удивительно. Папа был так бледен!

Эдме.Ему сегодня вечером нездоровилось.

Осмонда.Но как же ты его отпустила?

Эдме.Ты же знаешь, твой отец все равно сделает по-своему. Но речь сейчас не о том. Я собираюсь раз и навсегда решить вопрос с Мегалем.

Осмонда.Нет такого «вопроса».

Эдме.Давай не придирайтесь к мелочам. У меня нет никаких возражений против того, чтобы девочки иногда заходили к нам, но мне не хотелось бы, чтобы ты поднималась туда.

Осмонда.Короче, ты мне не доверяешь; ты не понимаешь, что если бы такая опасность существовала, твои сомнения только усугубили бы ее.

Эдме.При чем здесь опасность? Просто я считаю твое поведение в данной ситуации неподобающим, вот и все.

Осмонда.А что думает по этому поводу папа?

Эдме.Твой отец не отдает себе отчета...

Осмонда.То есть у него нет той предвзятости, что у тебя.

Эдме.Какой предвзятости, о чем ты говоришь?

Осмонда.Направленной на то, чтобы унижить меня, ранить, причинить боль.

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org

Вот и сейчас ты меня выставила на смех перед этим господином.

Эдме. Ясно, что когда человек так занят собой, ему всюду мерещатся обиды и злые умыслы. Если бы ты уделяла другим десятую долю того внимания, какое ты уделяешь своей драгоценной особе...

Осмонда. Я не эгоистка.

Эдме. Это что-то новое.

Осмонда. Во всяком случае – не такая эгоистка, как ты. Ты ни во что не вкладываешь душу. А это, по-моему, главное. Качество человека определяется не тем, что он заседает в комитетах, руководит мастерскими для работниц или вяжет носки. В тебе нет доброты, и, во всяком случае, ты не лучше меня. Достаточно видеть, как ты разговариваешь с больными: никогда не улыбнешься. Все твои старания – это... это...

Эдме. Продолжай.

Входит Клод.

Клод(Осмонде). Ты еще здесь? Послушай, дорогая, будь так добра, приготовь мне чаю, я ооченел... У Форстмейера такой холод!

Эдме. Уверена, что вы ни к чему не пришли.

Клод. Мы беседовали.

Эдме. Именно...(Осмонде.) Вскипяти, разумеется, на спиртовке. (Осмонда выходит.)

Клод. Он еще долго оставался после моего ухода?

Эдме. Несколько минут. (Неловкое молчание.)

Клод. И Осмонда все время была здесь?

Эдме. Нет.

Клод. Наверное, если бы я знал, что все так сложится...

Эдме. Теперь ты видишь, что я была права.

Клод. Нет, это было бы слабостью, малодушием. Но когда он заговорил о Сен-Лу... и потом, этот цинизм, поза пресыщенности, отвращения ко всему...

Эдме. Он очень болен.

Клод. Да, мне приходилось все время твердить себе, что это страдалец.

Эдме. Ты это вправду?..

Клод. Иначе, думаю, я указал бы ему на дверь. То, как он смотрел... ты заметила? Это было особенно невыносимо.

Эдме. Да... вижу.

Клод. Когда он вошел и протянул тебе руку – в первый момент мне показалось, что передо мной привидение.

Эдме. Да.

Клод. Но затем, когда он взглянул на девочку, его лицо оживилось... Это было еще страшнее.

Эдме(направляясь к двери). Осмонда! Ну где же ты?..

Осмонда(за стеной). Вода еще не вскипела.

Эдме(Клоду). Может быть, добавить тебе в чай немного коньяку?

Клод. Нет, не стоит.

Эдме(с иронией). Я забыла, ты же брал известное обязательство...

Клод. Не могла бы ты немного рассказать мне, о чем он говорил с тобой, – если тебе это не тяжело, разумеется.

Эдме(горячо). Ну, будь же требователен, подозрителен; будь мелочен: я так хочу этого!

Клод. Не понимаю, зачем это тебе.

Осмонда входит с чашкой чая, которую ставит на письменный стол.

Осмонда. Я положила тебе кусочек сахара. Пойду лягу. Спокойной ночи, папа, я надеюсь, чай поможет тебе согреться.

Клод. Спокойной ночи, дорогая.

Эдме. Пока.

Осмонда уходит. Молчание. Клод пьет чай.

Эдме. Тебе лучше?

Клод. Так что было дальше?

Эдме. Дальше... дальше произошло вот что... Клод, я так нуждаюсь в тебе. Надо, чтобы ты мне помог. Ты должен мне помочь. Меня стала мучить страшная мысль... Избавь меня от нее!.. Конечно, мы говорили о прошлом. Нельзя укорять нас за это. Было так странно. Словно все случилось вчера... словно эти двадцать лет не в счет. И однако он умирает, а я... Оказывается, он был гораздо несчастнее, чем я могла тогда предположить. Он не только страдал; он отчаялся. Вот почему он стал вести ту жизнь, которая сейчас оборачивается гибелью. Во всяком случае, он так считает. Разумеется, он

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
может ошибаться. Но как бы то ни было... Если бы я могла быть уверена, что поступила правильно, признавшись тебе во всем! Но он утверждает... О нет, не может быть, это было бы слишком...

Клод. Чего не может быть?

Эдме. Он говорит, что я испугалась... что у меня не хватило духу решиться на жизнь с ним, и что я открылась тебе, чтобы полностью связать себя, отрезать себе всякий путь к отступлению.

Клод. Не понимаю.

Эдме. Но ведь если бы ты все узнал, простил меня – уже не могло бы идти речи о том, чтобы оставить тебя, понимаешь. Он говорит, что с твоей стороны мне нечего было опасаться, что я действовала наверняка. И это правда: я не боялась тебя. Вот что было ужасно. (С растущей горечью.) По сути в тот вечер я говорила с тобой не как с мужем.

Клод. Эдме!

Эдме. В этом – причина всего. Если бы ты был мне по-настоящему мужем, если бы любил меня, как любят жену, силою всего лучшего и худшего, что есть в человеке...

Клод. Худшего?

Эдме. Ты знаешь, что в этом случае я бы тебе не изменила.

Клод. Ты просто теряешь рассудок...

Эдме. Сейчас в твоём голосе – фальшь.

Клод. Доверие, которое ты мне оказала...

Эдме. Доверие!.. Чем больше любишь, тем делаешься подозрительнее.

Клод. Для натур, подобных нашим...

Эдме. Прежде всего, ты не имел права отягощать меня «прощением», которое тебе ничего не стоило.

Клод. Я не имел права защитить тебя от тебя самой?

Эдме. Это все слова. Ты был судьей и – заинтересованной стороной. Но не потому, что любил меня, нет. Не возражай; ...допустим, ты меня любил... во Христе. Но ведь дело было не только во мне.

Клод. Остальное было не важно.

Эдме. А паства, а твой авторитет? Брось, сейчас ты не вполне отдаешь себе отчет: ведь в случае нашего разрыва скандал...

Клод. Он затронул бы только тебя.

Эдме. Ты не можешь думать так всерьез. Но главное... самое главное... возник такой изумительный повод вернуть свой евангелический дар...

Клод. (выпрямился, бледный). Замолчи.

Эдме. А! Я вижу, ты понял.

Клод. Замолчи... Ты все во мне разрушила.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация. Франсис, сидя за столом, выписывает рецепт. Клод – в кресле, он погружен в глубокое раздумье.

Франсис. В общем, это нервное переутомление; стоит попринимать укрепляющее.

Клод. Успокой маму; правда, я не понимаю, как можно так переживать из-за подобной ерунды.

Франсис. Видишь ли, все дело в болезни, унесшей отца. Но тут ничего похожего. (Встает.) Вот. Два раза в день по ложке перед основной едой. А теперь, милый, мне пора бежать.

Клод. Франсис... я бы хотел воспользоваться тем, что мы одни. Но обещаю, что скажешь правду, договорились? Я рассчитываю на тебя.

Франсис. Я так и думал, что тебя что-то гложет.

Клод. Речь идет только обо мне. Я хотел бы знать, как ты отнесся... одобрил ли ты тогда то, что я простил Эдме? Скажи, да?... или ты...

Франсис. Ты же понимаешь, что я никогда не позволил бы себе иметь собственное суждение в этом вопросе. В подобных случаях каждый поступает сообразно тому, что ему велит его сердце, или совесть, или, наконец, что угодно. Признаюсь, я даже не могу уловить смысл твоего вопроса.

Клод. Был ты тогда... удивлен?

Франсис. Нет, нисколько... Зная твой характер, убеждения, мой Бог, даже твою...

Клод. (многозначительно). Ты хочешь сказать – мою профессию?..

Франсис. Да, безусловно – в той мере, в какой она отвечает твоей натуре.

Клод. Ты это нашел совершенно естественным.

Франсис. Но, дорогой, к чему ты клонишь?

Клод. Я просто хотел знать.

Франсис. Я и сегодня считаю, что твой поступок был целиком в русле твоей жизни. (Молчание.)

Клод. Благодарю, ты дал мне очень ясный ответ.

Франсис. (приподнимая руками его голову). Но, в конце концов, что все это

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
значит? Или ненароком... О, моему больному придется подождать. Я должен разобраться.

Клод.Уверяю тебя, это совершенно неинтересно.

Франсис.Что-то ты близок к неврастению. Какую же я допустил ошибку, не выпроводив этого Мишеля Сандье! Ведь очевидно же, что...

Клод.Нет. Если была в моей жизни эта двусмысленность – ее следовало развеять.

Франсис.Какая двусмысленность?

Клод.Как ты не понимаешь... Годами жить неким представлением о себе, черпать, как тебе казалось, силы в этом представлении – и обнаружить, что, возможно, ты постыдным образом ошибался.

Франсис.С чего ты это взял?

Клод(продолжая свою мысль).Возможно... И даже в этом не быть уверенным! Я больше ничего не знаю, я потерял себя. Ведь мои мысли, слова, сказанные мной тогда, должны были бы быть для меня совершенно прозрачными, я должен был бы узнавать себя в них, как в собственном жилище... Так нет, они для меня непроницаемы.

Франсис.Знаешь, у меня впечатление, что ты что-то уж очень мудришь. Но только учти, эти твои протестантские штучки далеко не безопасны.

Клод.Франсис, я каждый день имею дело с людьми, которые видят во мне свою совесть!

Франсис.Тем хуже для них.

Клод.Если мне не хватает мужества даже на то, чтобы читать в собственной душе...

Франсис.Это не вопрос мужества.(Встает.)К сожалению, я все-таки вынужден идти. Но будь осторожен: за эти глупости придется платить, и иногда – очень дорого.

Клод.Франсис! Говори со мной как человек, а не как врач.

Эдме(входя).Я и не знала, что вы здесь.

Франсис.Мама попросила меня зайти: ее беспокоил вид Клода – вы ведь знаете, ей ничего не стоит разволноваться!

Эдме.И что выяснилось?

Франсис.Ничего страшного, небольшое нервное переутомление. Но давление – нормальное, с сердцем все в порядке.(Вполголоса.)Ну как, ваш юный жилец уже прибыл?

Эдме.Да, он пытается втащить в комнату свою лохань.

Франсис.Ну и ну...

Эдме.В данный момент это его главная забота.

Франсис.До свидания, старина... мы с тобой договорились, не правда ли? До свидания, Эдме.(Уходит.)

Эдме(встревоженно).Так ты нездоров?

Клод.Да нет, ты же слышала: это мама вбила себе в голову...

Эдме(смотрит на него).Ты плохо выглядишь.

Клод.Оставь.

Эдме.Это по моей вине. Если бы ты знал, как я сожалею...

Клод.Ты мне открыла свои сокровенные мысли, я не вправе упрекать тебя за это!

Эдме.Сокровенные мысли! Да разве они мне известны?..

Клод.Но позавчера...

Эдме.Да, разумеется, я была искренна. Но только я не знаю.. все это так шатко. Там, где вчера была почва под ногами, сегодня – пропасть.

Клод.Да, именно так: пропасть.

Эдме.Но и с этим можно справиться.

Клод.Ты хочешь сказать – отвернуться.

Эдме.Уверяю тебя, неожиданное потрясение, казавшееся таким глубоким, до боли, до крика, – оно вдруг оказывается ничем, ты поражаешься, что готов был поддаться отчаянию... Знаешь, с того дня я много размышляла. Когда внезапно, одна за другой, следуют эти вспышки молнии – надо только прикрыть веки. Надо доверять себе.

Клод.Отлично. Обманывайся, живи иллюзиями. А я не могу.

Эдме.Разве меня можно в этом упрекнуть?.. Скажи! (Молчание. Эдме, с твердостью.)Нотыдействительно не имеешь права сомневаться в себе; ты должен быть для всех нас источником силы. Это, если на то пошло, твоя профессия... То, что ты отступаешься – катастрофа для меня. Подумай, что я переживаю в эти минуты. Этот человек – если я не найду в тебе опоры...

Клод(с чувством).Я был убежден, что это прощение (Эдме вздрагивает)было актом милосердия, поступком христианина. Но если я просто бежал скандала и одиночества... И вот теперь, когда ты заставила меня прозреть, – ты кладешь мне ладони на глаза, чтобы я снова погрузился во мрак. Но чего ты хочешь от меня?

Эдме.У меня не хватает сил. Помогите же мне.

Марсель Габриэль Человек праведный filosoff.org
Клод. Но не любой ценой. Не ценой лжи. Я не могу. Не хочу.

Долгое молчание.

Эдме (изменившимся голосом). Отлично. По сути ты прав. Нужно взглянуть реальности в лицо.

Клод. Иной возможности не дано.

Эдме. Но только – ты не думаешь, что перед нами встанет множество проблем? Прежде всего, дело касается уже не только нас двоих.

Клод. Ты говоришь об Осмонде?

Эдме. Не только об Осмонде. Этот человек, умирающий... ради чего мы им пожертвовали?

Клод. Довольно.

Эдме. Отвечу за тебя: мы принесли его в жертву нашему эгоизму, нашей трусости. (Эдме готова разрыдаться; она стоит, отвернувшись от Клода, плени ее вздрагивают.) И вот – итог. Я щажу себя не больше, чем тебя.

Клод (словно внезапно очнувшись, резко). Тем не менее я спас вас обоих.

Эдме. Спас? От чего?

Клод. Что бы стало с тобой без меня? Ведь позже он, в свою очередь, изменил бы тебе.

Эдме. Допустим: но чего стоит верность, подобная твоей?

Клод. Он бы заставил тебя страдать.

Эдме. Знаешь, когда доброта – всего лишь профессиональное качество...

Клод. А девочка? У нее был домашний очаг...

Эдме. Очаг!.. кого он грел? Но я тебя понимаю; конечно, перед лицом такого банкротства...

Клод. Нет никакого банкротства. Каковы бы ни были мои слабости, я тот, кем считал себя. Ты можешь сколько угодно пытаться меня уничтожить...

Эдме. Возможно, есть повод доказать это.

Клод. Что доказать?

Эдме. Что ты и в самом деле тот, за кого себя принимал.

Клод. Но отчего в твоих глазах столько злости! Что я тебе сделал?

Эдме. Ты мне ничего не сделал... Ты был ты, я была я, мы поженились. Вот и все. А то, что ты называешь злостью во мне, – видишь ли, двадцать лет страданий...

Клод. Страданий?

Эдме. Я уже не знала сама, как страдала: это забылось. Я это знала лишь вначале, задолго до того, как встретила Мишеля, – когда поняла, что для тебя любовь, по сути...

Клод. Но и той любовью я любил тебя.

Эдме. Нет. В тебе была нетронутая сила, ты ее растратил со мной, как с девкой, но это не была любовь, ты это знаешь. Ну, а твоя любовь к моей душе и прочее... Женщину во мне ты не мог разбудить, ты о ней даже не подозревал.

Клод. Женщину в тебе?

Эдме. Ты не способен понять. О, это, возможно, не твоя вина. Это обратная сторона твоей добродетели.

Нерешительно приоткрыв дверь, появляется Фред.

Фред. Извините...

Эдме. Что такое?.. Вы, Фред? Имейте в виду: сперва надо постучаться.

Фред. Она, конечно же, не проходит. (Клод вопросительно смотрит на Эдме.)

Эдме. Лохань?

Фред. Совершенно не представляю себе, как быть; я пришел к вам посоветоваться. Досадно, из-за нее я переплатил за багаж восемь франков; как вы думаете, ее можно будет продать? (Клоду.) Сударь, я и у вас хотел попросить совета. Как вы считаете, в самом деле стоит походить на лекции Бергсона? Я слышал от некоторых, что это нечто захватывающее. А поскольку папа пишет, чтобы я как можно лучше использовал свое пребывание в Париже... Но вот в чем загвоздка: именно в эти часы дает уроки фехтовальщик; а так как мама мне рекомендует не пренебрегать физическими упражнениями... Так как вы думаете, сударь, это не менее увлекательно?

Эдме. Вы спрашиваете о Бергсоне или о фехтовании?

Фред. О Бергсоне, сударыня; о фехтовании у меня есть определенное представление.

Эдме. Мы сейчас заняты; поговорим обо всем попозже, хорошо?

Фред. Прошу прощения. (Уходит.)

Эдме. Через какие-нибудь три года этот юнец будет приставлен к душам в маленьком уголке Юра.

Клод (сдавленным голосом). Что ты только что хотела сказать? Что за доказательство?

Эдме. Ты хочешь знать?

Клод. Что это?

Эдме. Ну, хорошо. Я снова виделась с ним.

Клод. Ты была у него?

Эдме. Мы договорились о встрече в «Лютеции», он живет там; вышли вместе. Но он почти не может ходить, сразу устает; мы сели на скамью.

Клод. Что дальше?..

Эдме. В этот раз он не упрекал меня; и это было хуже всего. Он говорил о своей болезни. И, главное, он меня расспрашивал об Осмонде. Он хочет знать, когда сможет снова повидать ее.

Клод (резко). Я не хочу, чтобы он еще раз встретился с ней.

Эдме (иронически). Прекрасно.

Клод. Во-первых, под каким предлогом? Она и так уже была заинтригована в тот вечер. Пришлось бы все ей объяснить. Это невозможно. Она не выдержит.

Эдме (с той же иронией). Она тебе кажется такой хрупкой?

Клод. Ну а ты сама... ты можешь вынести мысль, что твоя дочь... тебя осудит?

Эдме. Так это из-за меня? Ну нет, уволь, меня этой комедией не одурачишь.

Клод. Я знаю, что ты подумала.

Эдме. Возможно.

Клод. Но ты ошибаешься, это не трусость, просто я категорически против того, чтобы волновать ее понапрасну.

Эдме. Здесь всё вместе.

Клод. Повторяю тебе, это все напрасно, она ничего не может сделать, никто не может ему помочь. Он обречен. Это обреченный человек.

Эдме. Не понимаю, почему ты так кричишь. Я просила тебя сказать «да» или «нет». Я только констатирую, что едва лишь от тебя потребовалась истинная жертва...

Клод. Это неправда.

Эдме. Слышишь, я сказала: истинная жертва...

Клод. Это не потому, что я не хочу жертвовать.

Эдме... ты тотчас же находишь аргументы, притом великолепные, чтобы отказаться это сделать.

С письмом в руках быстро входит Осмонда.

Осмонда. Папа, я надеюсь, это письмо было отправлено без твоего ведома?

Клод. Какое письмо?

Осмонда. Читай. (Передает письмо Клоду.)

Эдме. Этот тип отдал тебе мое письмо? Ну, это уже верх всего...

Осмонда (отцу, с возмущением). Что ты на это скажешь?!

Клод. Послушай, милая, даже если допустить, что твоя мать в своей осторожности зашла слишком далеко...

Осмонда. При чем здесь осторожность? Что это за манера оберегать меня как вещь!

Клод. Поверь, тут нет ничего оскорбительного; твоему возрасту свойственно не замечать некоторых опасностей, это совершенно естественно.

Осмонда. Каких опасностей? Я требую, чтобы были, наконец, поставлены точки над «і».

Клод. Отец этих девочек...

Осмонда. Вы испугались, что ему доставляет радость меня видеть? Ну что ж! Да, конечно; он от меня этого не скрывает. К тому же, он вдовец.

Клод. Осмонда, его жена жива.

Осмонда. Он вдовец. И если вы меня доведете до крайности...

Эдме. Это угроза?

Клод (вполголоса, Эдме). Оставь меня с ней на минуту.

Осмонда. Папа, скажи ей, что она поступила дурно.

Эдме. Не вижу никакого толку в подобных беседах, но если тебе это доставит удовольствие...

Осмонда. Мама права, это все ни к чему.

Клод подходит к Осмонде, ласково кладет ей руку на плечо; Эдме смотрит на них с недоброй улыбкой и выходит.

Клод. Дорогая моя, ты катишься по наклонной плоскости...

Осмонда. Опять это слово!

Клод. Теперь мне стали ясны твои недомолвки в нашей прошлой беседе.

Осмонда. Так что же?

Клод. Этот человек...

Осмонда. Ты его не знаешь и не имеешь права судить о его поступках.

Клод. Уже сам факт, что он передал тебе письмо...

Осмонда. Это я потребовала.

Клод. Но в каких вы отношениях?

Осмонда. Я думаю, что его привязывает ко мне сильное чувство; я его тоже очень люблю.

Клод. Но ты не ребенок; ты не можешь не отдавать себе отчета в том, что в его чувстве к тебе, возможно, есть что-то... смутное.

Осмонда. Ты хочешь сказать – плотское? Не сомневаюсь ни секунды.

Клод. И все же я убежден, что если бы ты взглянула на вещи трезво, ты бы поняла... Прежде всего, это безвыходная ситуация.

Осмонда. Не уверена.

Клод. Ты что, делаешь ставку на смерть его жены?

Осмонда. Ну, она-то всех нас переживет.

Клод. В таком случае... В конце концов, на что ты надеешься? На что ты рассчитываешь?

Осмонда. Я ни на что не надеюсь и ни на что не рассчитываю; мне нужно разобраться в себе.

Клод. Видишь, ты даже не уверена в своем чувстве... благодарение Богу!

Осмонда. Я вовсе не это имела в виду. Разобраться в себе для меня означает: знать, что я считаю хорошим, а что – дурным. Я не строю никаких иллюзий относительно характера его чувств, и тем не менее... возможно, ты будешь очень шокирован – но если б он питал ко мне лишь самую почтительную привязанность, должна признаться, я была бы не слишком обрадована... Вот так. Да, я думаю, что допусти я неосторожность, он бы с восторгом этим воспользовался. Все мужчины одинаковы. Папа, понимаешь, ты здесь не судья. Так вот: я должна либо не допускать неосторожности – либо это должен быть вполне осознанный шаг.

Клод (с трудом беря себя в руки). Ты сейчас рассуждаешь как совершенное дитя. Или, вернее, пытаешься обмануть себя. На самом же деле, моя бедная девочка, ты в ужасном смятении.

Осмонда. Ничуть, уверяю тебя.

Клод. Твой голос дрожит.

Осмонда. В тот день, когда я проникнусь уверенностью, что это лишь предрассудок...

Клод. Так вот – этот день не наступил.

Осмонда. Что тебе за удовольствие терзать меня? Но я понимаю, это твой профессиональный долг – не оставлять людей в покое.

Клод. Мой долг – добиться, чтобы ты глубже заглянула в себя.

Осмонда. Что поделаешь, папа, для меня все это пустые слова.

Клод. Мой долг – предостеречь тебя от тщеславия... да, именно, от тщеславия, которое ты испытываешь при мысли, что мужчина питает к тебе двусмысленное, а точнее, вполне определенное чувство.

Осмонда. Никакого тщеславия. В первый и, возможно, единственный раз в моей жизни кто-то думает обо мне, не путая это с мыслями о благолепном домашнем очаге, о чинном, послушном выводе... Мне необходимо жить собственными силами; мысль о том, что придется существовать в наезженной колее, внушает мне ужас; я не уверена, что в моем чувстве есть что-то низменное, что мой выбор – хуже. В такой обыденной, банальной жизни, как наша, – если еще тебе не повезло и ты не верующая...

Клод. Ты воображаешь, что это вопрос везения?

Осмонда. Да, воля здесь бессильна, я пробовала много раз.

Клод (с растущей горечью). Следовательно, я должен принять всерьез этот цинизм, это спокойное бесстыдство! Ты взвешиваешь «за» и «против»... Ничто в тебе и не дрогнет при мысли об оскорблении, которое ты наносишь...

Осмонда. Но это не оскорбление.

Клод. ...говоря о нашей банальной жизни...

Осмонда. Жертвы, которых от меня требовали, мне всегда казались издевательскими, унижительными. И ничего, ровным счетом ничего не изменилось с того времени, как меня убеждали отдать бедным приходским детям те из моих праздничных подарков, которыми я дорожила больше всего. А ежедневные «добрые дела», которые должны были заноситься в маленький клеенчатый блокнот?... Мне претит эта мораль. Признаюсь тебе, что я на краю пропасти...

Клод. Ты забиваешь себе голову худшей литературой!

Осмонда. Литература, папа, это страдания других. Твое огромное преимущество в том, что ты был чужд многих искушений.

Клод (про себя). Это невыносимо.

Осмонда. Однако сама эта привилегия... мне кажется, у нее есть и обратная сторона.

Клод. И ты тоже!.. (Внезапно.) Теперь – выслушай меня. Ты утверждаешь, что жизнь у нас слишком монотонна, слишком заурядна; что нет задачи, достойной тебя. Так вот – должен вывести тебя из заблуждения, поскольку ты меня к этому вынуждаешь. Прежде всего... наша семья не похожа на другие.

Осмонда.Что ты имеешь в виду?

Клод.Пойми, речь не о том, чтобы судить кого бы то ни было.

Осмонда.У тебя такой несчастный вид!

Клод(про себя).Я не смогу это выдержать.

Осмонда.Есть что-то, касающееся вас, чего я не знаю?

Клод.Я поклялся, что ты никогда этого не узнаешь: и вот теперь... И это случится даже не по моей воле. (Он встает и ходит из угла в угол в сильнейшем возбуждении.)Как меня терзают! Как это все несправедливо!

Осмонда.чем я тебе терзаю, папа?

Клод.Я хотел бы, чтобы для меня все было кончено.

Осмонда(с горечью).Но ведь ничто не кончается... ни для кого.(Оба замолкают.)

Клод.Я ничего не передал другим, никого не уберег: спрашивается, для чего я жил! Ты уже наполовину развращена.

Осмонда(взволнованно).Нет, папа!

Клод.Да. Только что ты спокойно говорила о неизбежном падении...

Осмонда.Ты можешь этому воспрепятствовать. Прежде всего – доверием ко мне. Ты упомянул о тайне: какой бы она ни была, я хочу ее разделить с тобой.

Клод.Ты не знаешь, о чем просишь.

Осмонда.Я гораздо мужественнее, чем ты думаешь.

Клод.Это потому, что ты ничего не знаешь о жизни. (После мучительного молчания. Резко.)Осмонда, я не отец твой!

Осмонда(оцепенело).Что ты сказал?

Клод.Ты же слышала. Я не отец твой.

Осмонда.Так значит... о, папа, я, наверное, угадываю? Человек, который был у нас в тот вечер... и так странно глядел на меня...

Клод.Да.

Осмонда(с ненавистью).А она!.. О, я ее...

Клод(мягко).Молчи.

Осмонда.Папа! (Она в слезах, Клод обнимает ее.)У меня кружится голова.

Клод.Милая моя, бедная, я прошу у тебя прощения...

Осмонда.Нет, нет...

Клод.Я не должен был тебе этого говорить никогда.

Осмонда.Это пройдет... Мне надо привыкнуть.

Клод.Моя бедная девочка!

Осмонда.Но только... ты мне объяснишь... я имею право знать все.

Клод.Моя милая, это ужасная история, ты не должна знать подробностей. Не следует задавать вопросов... никому, поверь мне. Это было бы неоправданной жестокостью.

Осмонда.А я-то воображала, что у меня есть семья!

Клод.А разве у тебя ее нет? (Осмонда смотрит на него.)Ты была нежно любима.

Осмонда.Любима – тобой.

Клод.Нами. (Протестующий жест Осмонды.)Это несчастье никогда не довлекло над твоей жизнью... и не будет дозвлеть. Даже теперь, когда мне пришлось посвятить тебя во все.

Осмонда(не скрывая изумления).Ты хочешь сказать, что ничего не изменится?

Клод.Дорогая, пойми меня, я не прошу невозможного – но я вправе ждать от тебя...

Осмонда.Чего же?

Клод.Что ты не позволишь себе выносить осуждение в чей-либо адрес.

Осмонда.Но послушай, мы ведь не вольны над своими мыслями!

Клод.И все же... в какой-то степени. Наконец, сама подумай: это было бы несправедливо.

Осмонда.Однако... очень странно, но по существу это словно и не было открытием... Ты мне говоришь, что не надо судить маму, но я-то прекрасно знаю, что я всегда ее судила. Ее достоинства – доброта, милосердие, ее заботливость – никогда не вводили меня в заблуждение. Словно я понимала, что все это – не она. Она настоящая – это выражение ее лица, когда она замечает ваш промах... либо...

Клод.Ты мне причиняешь страшную боль. Я не могу слышать, как ты говоришь о матери.

Осмонда.Значит, продолжать притворяться – даже когда мы с тобой наедине?

Клод.Ты должна уважать свою мать.

Осмонда.Сказать тебе правду... я испытываю скорее облегчение. Прежде я не смела до конца признаться себе, что я ее...

Клод.Что?..

Осмонда.Теперь осмелюсь!(Молчание.)Только – ах, папа! – если бы все это обнаружилось раньше!.. Был бы скандал, ей пришлось бы уйти, а меня бы ты

Марсель Габриэль человек праведный filosoff.org
оставил у себя, – ведь все это могло случиться... как бы мы были счастливы вдвоем!

Клод. Осмонда!

Осмонда. Все происходило бы так, словно она... ну, просто умерла. Когда кто-то умирает в семье – это ведь не всегда несчастье. Ты так великодушен – ты бы мне рассказывал о ней, я бы верила, что это кто-то, о ком стоит сожалеть.

Клод. Ты говоришь чудовищные вещи!

Осмонда. Но на самом деле ты, наверное, был бы слишком великодушен. Ты не захотел бы разлучать меня с ней; боже мой! как будто... да, ты бы ее оставил, ты всегда думаешь, что человека можно спасти вопреки ему самому. Ты бы и в самом деле ей простил! К счастью, этого не случилось; ведь все было не так, правда?

Клод (с усилием). Да, это было не так.

Осмонда. Тем лучше. Думать, что в течение двадцати лет ты разыгрывал комедию... это бы отравило мне даже твою нежность. Папа, я тебя только что огорчила, ты решил, что я думаю только о себе: но я очень тебя люблю, ты знаешь; и теперь, когда между нами эта тайна...

Клод. Нет, нет, я обманулся. Ты – всего лишь ребенок, которому никого не жаль. (С жаром, словно в порыве отчаяния.) Потерять тебя таким образом!.. Девочка моя, поклянись, что тебя больше не будут посещать эти ужасные мысли!.. Чему ты улыбаешься?

Осмонда. Папа, ты ведь стараешься извлечь выгоду!.. Но я тебя понимаю. Ты так убит, ты совсем болен. Подумать только, что каких-нибудь десять... двенадцать дней назад ты не знал...

Клод (очень тихо, пристыжено). Да, я не знал.

Осмонда. Бедный, дорогой папочка! (Целует его.)

Входит г-жа Лемуан.

Г-жа Лемуан (растроганно). Как это мило! Здравствуй, душечка. Послушай, Клод, меня так успокоили слова Франсиса.

Осмонда. Ты о чем, бабушка?

Г-жа Лемуан. У меня было впечатление, что твой папа очень плохо выглядит, и я попросила дядю Франсиса зайти посмотреть его. К счастью, это, кажется, пустяки. (Клоду.) Что у тебя с глазами? Они покраснели.

Осмонда. Пыль попала.

Г-жа Лемуан. Главное, не три, от этого глаза только больше воспаляются. (Осмонде.) Голубка моя, мама велела тебе сказать, что ты ей очень нужна. Должно быть, это по поводу рождественских покупок.

Осмонда. Мама не нуждается в моих советах. (Отцу.) Уверю тебя, на это уйдет пять минут. Пока, бабушка... (Уходит.)

Г-жа Лемуан. Угадай, что мне только что сообщила мадам Урсо!

Клод. Откуда мне знать?

Г-жа Лемуан. Тебе собираются в ближайшее время предложить большой приход на правобережье... Шайо.

Клод. Я слышать об этом не хочу, и ты это знаешь.

Г-жа Лемуан. Говорят, что предложение будет сделано в столь лестной форме...

Клод. Я не привык подчиняться чьему бы то ни было давлению. Если я покину улицу д'Алезиа...

Г-жа Лемуан. Так что?..

Клод. Это будет не ради авеню Марсо.

Г-жа Лемуан. Мой дорогой мальчик, не мне давать тебе советы, но я не понимаю, почему ты не хочешь иметь аудиторию, более достойную тебя.

Клод. Дело не в аудитории.

Г-жа Лемуан. Не я одна считаю, что с твоим красноречием...

Клод. Я не ритор.

Г-жа Лемуан. Твой бедный отец всегда говорил: «Наше место там, где мы приносим больше пользы».

Клод. Верно.

Г-жа Лемуан. А еще мне мадам Урсо сейчас сказала – в который раз! – что многих, кто мечтает тебя услышать, отпугивает расстояние.

Клод. Есть трамваи. Метро в пяти минутах.

Г-жа Лемуан. Это те, кому ты особенно нужен, интеллигенция. (Протестующее движение Клода.) Ты ведь знаешь, как людей захлестывает парижская жизнь.

Клод. Время этих господ слишком драгоценно. (Внезапно.) К тому же скоро у меня действительно будет для тебя новость.

Г-жа Лемуан (в возбуждении). Ты возвращаешься к своей диссертации о Меланхтоне... Какое счастье, Клод!

Клод. Вовсе нет; я о другом.

Г-жа Лемуан. Как жаль!

Клод. Речь идет о моей должности. Поскольку я, к сожалению, гораздо меньше, чем ты, уверен в своих данных проповедника, и даже... (Умолкает.)

Г-жа Лемуан. Подумай, что ты говоришь!

Клод (словно с самим собой). С меня достаточно...

Г-жа Лемуан. Я в самом деле боюсь, что Франсис не уделит тебе должного внимания.

Клод. Слишком удобное объяснение... Впрочем, ты права, я болен, болен смертельно.

Г-жа Лемуан. Мой Бог!

Клод. Успокойся – больна только моя совесть.

Г-жа Лемуан. Как ты напугал меня, Клод!.. А ведь я сразу начинаю задыхаться.

Клод. Пусть я сдохну от тоски и отвращения к себе – ну и что, если при этом у меня хорошее пищеварение... Послушай: я только что низко солгал, понимаешь?

Г-жа Лемуан. Пустое; это лишь слова, не сомневаюсь.

Клод. Ну да, лей мне эту целебную настойку... теплую, безвкусную, как тогда, когда мне было десять лет... Ах, мама, я и тебя виню. Тебя тоже!

Г-жа Лемуан. Ты – винишь меня?..

Клод. Сколько ты пролила слез при мысли, что твой сын может стать служащим в конторе, – хотя, вероятно, это все, что мне было нужно!.. Вот список твоих предпочтений, по рангу: на первом месте – пастор, как папа и дедушка, и прадедушка; на втором – педагог, потому что он формирует души: ты была уверена, что будь Эрнест жив, он был бы педагогом; на третьем – врач, поскольку он тоже служит человечеству. Вот – благой вздор, в результате которого я стал тем неудачником, какого ты видишь перед собой.

Г-жа Лемуан. Ты – неудачник?!..

Клод. Как вспомню атмосферу, в которой я вырос... Конек Франсиса – успехи в сочинениях, мой конек – нравственность. Ах, мама, какая гордость блистала в твоих глазах на моих первых выступлениях; и все вокруг говорили: «Франсис – это интеллект, ну, а Клод – это нечто большее, это – совесть». Как знать, не случилось ли мне измышлять какие-нибудь нравственные коллизии, чтобы доставить вам всем удовольствие! Вот... вот что называется формировать душу для служения Богу. А позже! Я уже был на факультете теологии, когда, помнится, меня стало одолевать какое-то беспокойство; я поделился этим с папой. И вот уже другая картина: в своей постели я слышал, как вы проговорили всю ночь; утром за завтраком у тебя были красные глаза, ты смотрела на меня с укором, словно я не ночевал дома. Вот так вы развивали во мне вкус к искренности. Нет, ты видишь, если я потерпел крах, это все же не только моя вина. Тебя шокирует слово «крах» – и тем не менее это беспощадная правда. Я жил на средства, которыми не располагал. Всегда – в кредит. И вот теперь...

Г-жа Лемуан. Я не стану отвечать на твои упреки, они слишком несправедливы, и я знаю, что ты так не думаешь. Но я не хочу, чтобы ты мучил себя таким вот образом, слышишь; я горжусь тобой. Я знаю, что ты сеял добро полными пригоршнями.

Клод. Не надо произносить этих слов, я не могу их больше слышать.

Г-жа Лемуан. Ты вел жизнь истинного христианина.

Клод. Надо было сперва вести жизнь человека, а я не человек, я не только не мог любить по-человечески – я не способен был даже ненавидеть, как человек.

Г-жа Лемуан. Ненавидеть?..

Клод. Да, и ненавидеть... Я – ничтожество, ничтожество. (Тяжело опускается в кресло.)

Эдме (приоткрывая дверь). Что здесь происходит?

Г-жа Лемуан. Он совсем болен. Необходимы консультации врачей. Вам надо бы отпустить его со мной в Лозанну; у нас прекрасные специалисты.

Эдме. Специалисты – в какой области?

Г-жа Лемуан. Во всех областях...

Клод (жестко). Что вы там затеваете, обе? Ну, да... можете глядеть на меня. Я – творение ваших рук.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же декорации, что в первом действии.

Осмонда читает. Время от времени она бросает взгляд на мать; та сидит, в уличной одежде, растерянная.

Осмонда. Ты опять уходишь?

Эдме. Нет.

Осмонда. Так почему же ты не снимешь шляпу? (Эдме медленно снимает шляпу.) Долго ты собираешься держать ее на коленях? (Стучат.) Войдите. Что

вам, фелиси?

Фелиси(входит).Мадам ничего не заказала к обеду.

Эдме.Приготовьте что хотите.

Фелиси.Но я не знаю; мадам должна сказать.

Эдме.Ну, пусть будет то же, что вчера.

Фелиси.Но пансионер уже приходил утром сказать, что он терпеть не может шпината!

Осмонда.Фелиси, не следует говорить «пансионер», он наш знакомый... Вы не должны принимать замечания от этого господина; если Фред недоволен, он должен сказать об этом мадам. Вы поняли?

Фелиси.Я ему так и ответила. Он сказал, что мадам внушает ему робость, что-то в этом роде.

Осмонда.Ступайте, фелиси.

Фелиси.Значит, решено? Я приготовлю то же, что вчера. Пусть не жалуется, что каждый день – одно и то же.(Уходит.)

Осмонда(после долгого молчания, не поднимая головы).Он что, умер?

Эдме.Что ты говоришь?

Осмонда.Я спрашиваю: он умер?

Эдме.О ком ты?

Осмонда.Ну, о нем... о позавчерашнем господине.

Эдме.Осмонда!

Осмонда.Ну хорошо; просто я не привыкла видеть тебя такой... подавленной.

Эдме.Так твой отец сказал тебе...

Осмонда.Надо думать.

Эдме.Почему он скрыл от меня, что разговаривал с тобой? Когда это было?

Осмонда.Два дня назад.

Эдме.И ты, ты даже не...

Осмонда.Я действительно не знаю, что полагается говорить в таких случаях. Очевидно, существуют некие правила, но ты меня им не обучила.

Эдме.Ты бессердечна.

Осмонда.Это не новость.

Эдме.Я уверена, что твой отец, при его великодушии...

Осмонда.Он ограничился тем, что поставил меня в известность относительно событий, не требующих комментария.

Эдме.Будь добра, закрой книгу.

Осмонда.Если тебе угодно. (Поворачивается к матери и смотрит на нее, опершись локтем о стол.)

Эдме.Я не собираюсь вдаваться в детали.

Осмонда.Должна тебе заметить, что я ни о чем тебя не спрашиваю.

Эдме.Но тебе следует знать, что три человека причиняли друг другу смертельную боль, хотя, по-видимому, никто из них не был виноват; и что это не прекратилось. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Осмонда.Разумеется, только я не вижу, какое это все имеет отношение ко мне.

Эдме.Молодая девушка, у которой вся жизнь впереди...

Осмонда.О!..

Эдме....должна была бы стремиться принести хоть какое-то облегчение... этим несчастным.

Осмонда.Не понимаю тебя.

Эдме.Человек, которого ты имела в виду...

Осмонда.Позавчерашний господин?

Эдме.Ему осталось жить совсем недолго.

Осмонда(холодно).Очень сожалею.

Эдме.Но, в конце концов, знаешь ли ты, кто это? Это твой...

Осмонда.И что из того?

Эдме.При нем только платная сиделка...(Ее плечи вздрагивают от судорожных рыданий.)

Осмонда.Послушай, мама, не забывай, что младший Жюно может войти в любой момент; если он увидит тебя с таким лицом...

Эдме.Что мне за дело!

Осмонда.О, я думала, что нужно «блюсти форму» при любых обстоятельствах.

Эдме.В твоём возрасте даже не представляют себе, что значит одиночество; но когда человек уже не молод, болен и когда, быть может, от прошлого не сохранилось ни единого счастливого воспоминания, которое могло бы согреть...

Осмонда.Что? У этого господина нет приятных воспоминаний?

Эдме.Для него было бы неоценимым благом, если бы ты время от времени навещала его. Я ничего не могу для него сделать, он говорит даже, что ему в тягость мое присутствие.(С трудом сдерживает рыдания.)

В дверь стучат.

Осмонда.Что там такое?

Появляется Фред.

Фред.Прошу извинить меня, мадемуазель, я никак не хотел помешать. Это действительно не важно... но я только хотел сказать... я не знаю, в курсе ли вы, что у меня в детстве былэнтерит.

Осмонда.Нет, мы этого не знали.

Фред.Да, да, конечно; и вот с тех пор у меня... Короче говоря, есть такие овощи, которых я не... так вот, проходя мимо кухни, я почувствовал, если только мне не показалось...

Осмонда.Хорошо, вам сварят яйцо.

Фред.Благодарю вас, мадемуазель. Я надеюсь, что это вас не слишком обременит; извините меня, но так мне советовала мама... К тому же, у нас в семье у всех – слабое здоровье.

Осмонда(как бы подталкивая Фреда к двери).Да, да, до свидания.

Фред уходит, оставив дверь открытой. Осмонда прикрывает ее.

Осмонда.Теперь должна тебе признаться, что твоя просьба меня очень удивила. Предположим даже, что я найду час-другой, чтобы почитать этому господину, но я не представляю себе, о чем мы могли бы с ним беседовать; я бы не хотела пробуждать в нем горестные воспоминания, а поскольку у него нет других...

Эдме.Ужасно, что ты можешь говорить так издевательски. Просто чудовищно!

Осмонда.Ты не дала мне закончить фразы. Следовало бы прежде всего спросить у папы, каконпосмотрит на подобные посещения.

Эдме.Твой отец – сама доброта.

Осмонда.Он все еще невероятно потрясен.

Эдме.Чем – потрясен?

Осмонда.Открытия такого рода не проходят даром.

Эдме.Какое открытие? Что ты вообразила себе, в самом деле? Твой отец девятнадцать лет знает об этом!

Осмонда(после паузы).Вот как?..

Фред(приоткрывая дверь).Мадемуазель, я только хотел сказать, что если случайно мне будет любезно приготовлено яйцо, то, наверное, будет лучше, чтоб оно было не вкрутую, поскольку в Париже, как я заметил... Но, разумеется, поступайте, как сочтете нужным.(Увидев Эдме.)О, мадам Лемуан нездоровится? Я страшно огорчен...

Осмонда.У моей матери сильная невралгия. Мама, мне кажется, тебе надо пойти прилечь ненадолго.

Фред.Если бы я смел... может быть, вашей маме помогла бы таблетка... У меня с собой довольно хорошая дорожная аптечка.

Эдме.Спасибо, сударь, вы очень любезны.(Уходит.)

Фред.Боюсь, не из-за меня ли ушла госпожа Лемуан... Должно быть, я кажусь таким странным, со своим шпинатом и яйцом вкрутую. Наверное, вы думаете, что я интересуюсь только едой. Но это совсем не так: напротив, мама вам подтвердила бы, что я никогда не знаю, что ем. Это правда, я очень неприхотлив; к тому же в семье все смотрят на меня как на интеллектуала.

Осмонда.Я вижу.

Фред.Если бы я придавал значение таким вещам, я бы не поселился у ваших родителей. Поскольку люди столь высокого духовного уровня питаются как попало. Я стараюсь вам этообъяснить, потому что мне будет крайне жаль, если у вас сложится подобное впечатление. Ведь это так важно – первое впечатление!.. Правда, наша нынешняя встреча – не первая. Вы помните лето, которое вы провели в Эвиларе, в пансионе Солданель? Я жил тогда в отеле «Цикламены» с моими кузенами из Локля. Вы замечательно играли в теннис. У нас с вами один раз даже был сингл, если помните. И еще – скромный праздник в пансионе: вы пели маленькую вещицу – это было шикарно! Музыка всегда так действует на меня! Я до сих пор помню мелодию (напевает); будь здесь пианино, я бы вам ее сыграл.

Осмонда.У вас исключительная память; должно быть, она вам помогает в занятиях.

Фред.Да, порядком. Но и трудностей хватает. Сегодня от вас требуется столько эрудиции, знания философии и еще кучи вещей – словом, какой-то базар, просто теряешь голову. Не знаю, как вы смотрите на это, но я считаю, что все это вовсе не обязательно. Что действительно нужно, так это иметь веру. И тут я не могу пожаловаться: веры у меня невероятно много, просто невероятно!

Осмонда.С чем вас и поздравляю.

Марсель Габриэль человек праведный filosoff.org
Фред.О, это просто моя природа.

Входит Клод.

Клод.Здравствуйте, Фред.
Фред(смутившись).Добрый день, сударь! Простите за беспокойство, я зашел к мадемуазель Осмонде, чтобы выяснить некоторые вопросы.
Клод.Ничего страшного.

Фред уходит.

Осмонда.Вот. Видимо, я буду иметь счастье вытянуть такое из лотереи, если... Извини, папа.(Садится к столу и пишет.)

Клод.Кому ты пишешь?

Осмонда.Через минуту ты все узнаешь. (Запечатывает конверт и идет к дверям.) Фелиси!

Фелиси(за сценой).Да, мадемуазель?

Осмонда.Отнесите это срочно господину Мегалю.

Фелиси(входит и берет письмо).Хорошо, мадемуазель.(Уходит.)

Клод.Что это значит?

Осмонда.А теперь скажи, папа: я только что узнала... скажи, почему ты старался внушить мне, будто лишь сейчас узнал правду? Я не очень понимаю, в чем дело, и, признаюсь, считаю, что это не очень здорово с твоей стороны. Я ведь надеялась, что теперь для нас настала пора полного доверия друг к другу...

Клод(тихо, не глядя на нее).Из малодушия...

Осмонда.Не понимаю.

Клод.Я боялся мыслей, которые могли прийти тебе на ум.

Осмонда.Каких мыслей?(Клод молчит. Осмонда испытующе смотрит на него.)

Клод(очень тихо).Мыслей, унижительных для меня.

Осмонда.В таком случае я поняла.

Клод.Где твоя мать?

Осмонда.Пошла прилечь.

Клод.Она больна?(Осмонда пожимает плечами.)Что с ней?

Осмонда.Полный упадок духа.

Клод.Вы говорили на эту тему?

Осмонда.Совсем немного.

Клод(жестко).Я ведь тебе запретил.

Осмонда.Это она завела разговор о том господине. Она просила, чтобы я временами составляла ему компанию.

Клод(яростно).Ты никуда не пойдешь.

Осмонда.Я не собираюсь идти.

Клод.Я тебе запрещаю, слышишь?

Осмонда.Можешь не утруждать себя.

Клод.И если случайно он рискнет прийти снова...

Осмонда.Это маловероятно.

Клод.Только еще не хватало, чтобы ты ходила к нему без моего разрешения!

Осмонда.Папа, я не понимаю, что с тобой творится.

Клод.После всего, что случилось... не знаю... но только с этим покончено, уверяю тебя!

Осмонда.С чем покончено?

Клод.Достаточно я унижался. О, заставить других страдать, причинить кому-то зло!

Осмонда.Ты не сможешь.

Клод.Ну, нет, теперь бы я смог! Вышвырнуть, растоптать...

Осмонда.Это тебе не доставит радости.

Клод(изменившимся голосом).До чего я дошел... Словно это не я... ах, это ужасно. Вот уже два дня... Чувства, которых я никогда раньше не испытывал, слова, которых никогда прежде не произносил... Если бы ты слышала, что я только что проговаривал почти вслух! Скажи мне, что это пройдет... Но нет, я даже не уверен, что хотел бы, чтобы это прошло.

Осмонда.Ты действительно вне себя, это очевидно. Но это кризис, он прекратится.

Клод.Да.

Осмонда.К тому же, временами ты вполне владеешь собой: только когда ты один...

Клод.Это словно какие-то порывы, они, как шквал, налетают неизвестно откуда.

Осмонда.Видишь, ты опять совершенно спокоен.

Клод.Ты разговариваешь со мной, как с больным.

Фелиси(из-за кулис).Господин Мегаль спрашивает, может ли он поговорить с

мадемуазель.

Клод.Что?

Осмонда.Попросите господина Мегалья войти.

Клод.Это ты его пригласила?

Осмонда(приоткрыв дверь).Входите, пожалуйста.

Мегаль(кланяется).Сударь... Мадемуазель...

Осмонда.Я рада, что мой отец присутствует при нашем разговоре. Вы меня просили подыскать кого-нибудь, кто мог бы полностью заняться Ивонной и Сюзанной. Так вот, я готова посвятить себя им.

Мегаль.Мадемуазель, не могу выразить, насколько я тронут вашим предложением: но это невозможно... Прежде всего, у вас нет времени.

Клод.Не понимаю, как ты могла потревожить господина Мегалья ради подобной чуши.

Осмонда.Я абсолютно располагаю своим временем; мне нужно занятие, которое поглотило бы меня целиком. Самая большая услуга, какую вы могли бы мне оказать, это принять мое предложение.

Мегаль.Но, мадемуазель, не знаю, учли ли вы, что я собираюсь на несколько месяцев уехать из Парижа.

Осмонда.Вы мне говорили.

Мегаль.Ваши родители...

Клод.Сударь, я прекрасно вижу, что вы осознаете невозможность этой затеи. Не понимаю, как у моей дочери вообще могла возникнуть такая идея.

Осмонда(Мегалю).Подумайте.

Мегаль.Мадемуазель, я считаю... я не имею права согласиться.

Осмонда.Почему – не имеете права?

Мегаль.Это значило бы злоупотребить привязанностью, которую вы выказываете моим детям... Я полагаю, что поступил бы дурно.

Осмонда.По отношению к моим родителям?

Мегаль(глубоко взволнованный).Не только по отношению к вашим родителям.

Клод(протягивая ему руку).Сударь, вы благородный человек, но согласитесь со мной, что нет смысла продолжать этот разговор. Когда я изложу дочери свои соображения...

Осмонда.Они мне известны.

Клод.Вы видите, сейчас она не в своем обычном состоянии.

Мегаль(Клоду).Не могу вам сказать, как бы я хотел иметь возможность принять это предложение, столь великодушное... Это больше, чем сожаление.(Сдавленным голосом.)Это – отчаяние...

Осмонда(Клоду).Все очень просто. Если ты не дашь мне поступить по-своему, я пойду дежурить у изголовья больного, о котором мы только что говорили, и не покину его до конца его дней.(Мегалю.)Речь идет о родственнике, которому я посвящу себя, если вы отклоните мое предложение.

Клод(Мегалю).Сударь, умоляю вас, оставьте меня с ней! Вы не можете себе представить, как мне сейчас трудно.

Осмонда(Мегалю).До скорой встречи.

Мегаль(Клоду, с явным состраданием).Сударь, я всей душой...(Пожимает ему руку и уходит.)

Осмонда.Выбирай.

Клод.Мне нечего выбирать. Ты останешься здесь.

Осмонда.Я не останусь здесь в любом случае.

Клод.Замолчи.

Осмонда.Я сделаю по-своему. Твои усилия...

Клод.Но кто ты, в конце концов!

Осмонда.Я не твоя дочь... Вспомни лучше, что удерживая людей помимо их воли, по сути, никогда не бываешь в выигрыше.

Клод.Как бы то ни было, я не позволю тебе броситься в объятия этого человека.

Осмонда.Ты ничему не можешь помешать.

Клод(упрямо).Твоя бабушка увезет тебя в Швейцарию.

Осмонда.Хорошо, давай рассудим здраво.

Клод.У твоей матери не было этого чудовищного хладнокровия.

Осмонда.Плохо для нее и, по-видимому, для всех здесь... Смотри: вот человек – молодой, полный сил, прикованный к больной. Он любит меня, я люблю его тоже. Нас разделяет только условность, и мы оба это прекрасно осознаем. Если я из трусости отступлю – не трудно догадаться, какого рода утешений он станет искать...

Клод.Не строй иллюзий.

Осмонда.Никаких иллюзий. Если я могу уберечь его от этого...

Клод.Ты просто испорченный ребенок.

Осмонда.Я вижу, ты тверд в своих принципах, это замечательно.

Клод.У тебя словно упразднили совесть...

Осмонда.Совесть... Признайся, что ее рекомендации подчас подозрительны.

Может быть, я ошибаюсь, но даже твой пример...

Клод. Так вот урок, который ты извлекла из моей жизни.

Осмонда. Я считаю, что главное – не самообольщаться... я хочу сказать...

Клод. И ты воображаешь, что не обманываешь себя, утверждая, что собираешься отдалиться этому человеку из сострадания, по душевной доброте?

Осмонда. Ничего подобного я не говорила. Ясно, что если бы он мне не нравился... Я только хотела обратить твое внимание на то, что даже с точки зрения веры в добродетель, в любовь к ближнему, в весь этот «базар», как выражается Фред, – так вот, даже с этих позиций мое решение совершенно оправданно. Возьмись за него с этого конца – если другой обжигает тебе пальцы. В конечном счете я тоже собираюсь создать нечто вроде семейного очага: разумеется, тебя не пригласят его благословить, но в общем... Бедный папа, ты мне напоминаешь тех обитателей пансионата в Эвиларе, которые каждое утро выходили смотреть на Альпы сквозь цветные стекла веранды... сквозь эти стекла пейзаж казался им волшебным прекрасным, в то же время они сожалели, что это не природный эффект. Что лучше? Ты, как они, сам не знаешь, что предпочесть, и страдаешь. Видишь ли, разница между нами в том, что я больше не способна принимать все это всерьез. Может быть, потому, что слишком слышалась разглагольствований о наших обязанностях, о нашем долге перед Богом и прочем в том же духе. Когда ты слышишь, как о твоей душе говорится каждое воскресенье, от десяти до одиннадцати, не считая ежедневных молитв... Есть слова, мысли... не знаю, но мне кажется, что перед ними следовало бы всякий раз испытывать головокружение, трепет... Так нет же! Твоя воскресная проповедь – что-то вроде кухонных расчетов. Я думаю, что если бы это не было некой рутинной – даже для тебя, – если бы я видела рядом кого-то, кто жил бы в страхе или в ослеплении... Но религия, подобная твоей, – она ничего не меняет в жизни. Так, просто задник, больше ничего. Впрочем, вот этот добрый Самаритянин напоминает тебя, правда, лишь до определенной степени... Не смотри на меня с таким несчастным видом, папа; это – шантаж, это недостойно тебя.

Клод. Если ты уйдешь, у меня ничего не останется.

Осмонда. Но будет хуже, если я не уйду. Жизнь втроем, теперь... после всего, что нами было сказано. Чтобы жить вместе, надо все же сохранять минимум иллюзий относительно друг друга. И к тому же – подумай о том, что мне предстоит благородная задача: заменить девочкам маму, которая не вернется. Вот тебе пища для раздумий – изволь! В конце концов, в цветных стеклах нет ничего худого. Не надо стыдиться ими пользоваться. (Молчание.)

Входит Эдме. Впечатление такое, что она вот-вот упадет.

Эдме. Кто сейчас приходил?

Осмонда. Господин Мегаль зашел на минуту.

Эдме. Кто ему разрешил прийти?

Осмонда. Мне нужно было с ним поговорить в присутствии папы.

Эдме. Так ты тоже был здесь?

Клод. Да.

Эдме. Что все это означает?

Осмонда. В твое отсутствие было принято решение. Пожалуйста, я готова посвятить тебя, но предупреждаю, что отказываюсь дискутировать на эту тему.

Эдме. Ты отказываешься?!

Осмонда. Категорически. Господин Мегаль приглашает меня в качестве учительницы к своим детям.

Клод (вполголоса). Это не вся правда.

Эдме (Клоду). И ты ей разрешаешь? Так вот твой авторитет, твое влияние на нее!..

Клод (вспылив). У меня нет никакого влияния на дочь господина Сандье! Я только констатирую, что она достойна своей матери и идет по ее стопам.

Эдме. Клод!..

Клод. А теперь, Эдме, выслушай меня: я пользуюсь, вероятно, последней возможностью сказать тебе, что я думаю, – поскольку не собираюсь дольше оспаривать тебя у жертвы, по поводу которой ты так расчувствовалась в последние дни.

Эдме. Что?.. ты хочешь бросить меня?

Клод. Я не вправе лишать этого умирающего забот, которыми тебе не терпится его окружить.

Осмонда. Папа, у тебя снова такое выражение лица... ты не владеешь собой.

Клод (грубо). А ты здесь при чем? Ступай, договаривайся с этим субъектом об условиях.

Осмонда. Условиях?

Клод. Уж не думаешь ли ты, что он собирается брать тебя на равных?..

Осмонда (с оскорбительной мягкостью). Ничего. Я не сержусь на

тебя. (Уходит.)

Эдме. Клод, удержи ее!

Клод. Можешь пустить в ход свою власть.

Эдме. Останови ее!

Клод. С сегодняшнего дня мне безразлично, что делает твоя дочь и что делаешь ты; я больше не имею к этому никакого отношения.

Эдме. Ты жесток!

Клод. Вот один из немногих упреков, которых я от тебя еще не слышал.

Эдме. Вспомни, ты ведь простил меня.

Клод. И она это говорит всерьез... Так ты не понимаешь, что сейчас уже одно слово «прощение»... но нет, довольно! меня тошнит от всех этих объяснений.

Эдме. Меня тоже, поверь.

Клод. То, что я тебе только что сказал – это совершенно искренне. Теперь, когда она нас покидает, нет смысла продолжать совместную жизнь. У тебя, насколько я понимаю, большие обязательства в отношении другого человека, отныне ты можешь выполнять их без помех. Что же касается меня, то я, вероятно, откажусь от пасторства.

Эдме (с испугом). Быть не может!

Клод. Те слабые силы, которые, как мне казалось, еще были у меня – я чувствую, что они меня оставили.

Эдме. Ты не можешь так внезапно утратить веру, это немыслимо!

Клод. Я не знаю. Возможно, истинная вера мне никогда не была дана.

Эдме. Истинная вера... Но вспомни, когда мы были с тобой невестой и женихом – как ты говорил о жизни, с какой убежденностью ты произносил некоторые слова... ты был искренен!

Клод. Я был искренен, я был счастлив тогда.

Эдме. Твои глаза сияли, мне казалось подчас, что я вышла за тебя из-за этого взгляда... Никто в моем окружении не говорил как ты; лица у них были невыразительны. Ты же, одна лишь твоя интонация... ты словно открывал передо мной мир.

Клод. Но десять минут назад Осмонда уверяла меня, что именно эти фразы, слишком часто повторяемые, отвратили ее от веры.

Эдме. Это были не они: те были новыми тогда – новыми, нестертыми.

Клод. Я открывал для тебя мир? Что это был за мир?

Эдме. Я не знаю.

Клод. Но вспомни дальнейшее. Первые месяцы нашего брака. Сомнения, охватившие меня. Длительные прогулки, которые ты совершала в одиночестве и возвращалась усталая, печальная, с непроницаемым лицом. На все, о чем я спрашивал, ты отвечала односложно; во мне накапливалась горечь.

Эдме. Ты мне не говорил об этом.

Клод. Любил ли я тебя в то время? Любила ли ты меня? Мы этого не помним, мы, может быть, не знали этого никогда. (Молчание.) Ты связала со мной свою жизнь, уверовав во взгляд, в интонацию. Взгляд, обещавший... что? Это таинственное обещание не было выполнено: вот и вся история нашей совместной жизни... (После паузы.) И то же – когда я думаю о Боге. Я верил порой, что он говорит со мной – возможно, это была лишь экзальтация; она вводила в заблуждение. Кто я? Когда я пытаюсь постичь себя, я ускользаю от себя... Минуту назад мне казалось, что я ненавижу тебя; казалось, что я готов тебя убить, выгнать, топтать ногами... И вот это прошло... Ты не находишь, что ему везет?

Эдме. О ком ты?

Клод. Ты знаешь.

Эдме. Почему ему везет, Клод?

Клод. Потому что он скоро покончит со всем этим.

Эдме. Тебя не пугает смерть?

Клод. Нет... не думаю. Как бы то ни было, это единственный шанс человека. Даже если это – не дверь, которой предстоит отвориться.

Эдме. У тебя больше мужества, чем у меня.

Клод. Ты боишься быть судимой?

Эдме. Да... пожалуй.

Клод. Ая – напротив... Явиться людям тем, кто ты есть, или... уснуть вечным сном.

Эдме. Почему ты улыбаешься? О чем ты думаешь?

Клод. Помнишь то место над Сен-Лу, где почва вдруг резко оседает? Там такой зеленый излом, в глубине его течет Равенуза, вдали – горы; в ясный день за долиной виднеются Триклюва... Как-нибудь вечером, после обеда, можно поехать туда – как в самое первое время, и тогда...

Эдме (в страхе). Нет, нет, я не хочу...

Фелиси (за дверью). Подождите, мадемуазель, я предупрежу господина пастора. (Входит.)

Клод. Что, Фелиси?

Марсель Габриэль человек праведный filosoff.org
Фелиси. Это мадемуазель Обонно с маленьким Рене: так она назвалась.
Клод. Почему вы сказали, что я здесь?
Фелиси. Ну а разве вы не здесь? (Клод и Эдме обмениваются взглядами.) Пожалуйста, входите, мадемуазель...

Входит молодая девушка, она ведет за руку малыша лет пяти, в руках у него – букет роз.

М-ль Обонно. Добрый день, сударыня, добрый день, господин пастор. Извините, что зашла в такой час: но Рене сегодня увозят, и мы провели весь день в беготне.

Клод. Напротив, это очень приятно.

М-ль Обонно. Нам тем более хотелось зайти сегодня, что это день вашей свадьбы.

Эдме. Двадцать первое декабря... верно, верно.

М-ль Обонно (обращаясь к Рене). Передай же букет госпоже Лемуан. Ну, можно ли быть таким неповоротливым! (Рене протягивает Эдме букет.)

Эдме. Это чересчур любезно...

Клод. Да, действительно...

М-ль Обонно. Сущий пустяк... как подумаю, в каком мы долгу перед вами!.. Его мать (указывает на Рене) поручила мне кланяться вам.

Клод. Как она поживает?

М-ль Обонно. Помаленьку, как всегда; но она не жалуется; и потом, как она говорит, «без господина и госпожи Лемуан один Бог знает, что было бы со мной».

Эдме. Почему?

М-ль Обонно. Разве вы не помните, что это вы устроили ее в приют на улице Мишель-Бизо?

Клод. Да, верно, она сейчас там.

М-ль Обонно. У дьяконесс на Мишель-Бизо. Как она говорит: «Все чрезвычайно добры ко мне».

Клод. Тем лучше.

М-ль Обонно. И она мне наказала передать вам, что она много молится за вас, господин пастор, хотя вы конечно же не нуждаетесь в ее молитвах, и также за госпожу Лемуан, и за мадемуазель Осмонду.

Клод. Спасибо, спасибо.

М-ль Обонно. Как мы всегда говорим, пасторы, как вы, на дороге не валяются.

Маленький Рене. А можно мне пожелать счастливого Нового года крестной?

М-ль Обонно. Дело в том, что он уезжает на Новый год к моей матери, в Шарант.

Эдме. Верно, я забыла, что Осмонда – его крестная... (Идет в глубь сцены и зовет: «Осмонда! Осмонда!»)

Осмонда (из своей комнаты). Что?

Эдме. Пришел твой крестник, он хочет поздороваться с тобой... маленький Рене Обонно...

М-ль Обонно. Нет, он – Феррандон, это фамилия моего зятя.

Эдме. Да, правда, прошу прощения. Маленький Феррандон, Осмонда!

Осмонда. Но я сейчас укладываюсь.

М-ль Обонно. Мадемуазель Осмонда отправляется в путешествие?

Эдме. Она готовится принять место.

М-ль Обонно. Мадемуазель всегда была такой серьезной! И, конечно, это предложение... это, наверное, что-нибудь совсем особенное.

Клод. Место учительницы...

М-ль Обонно. Правда? И я полагаю, у людей, хорошо вам знакомых.

Клод. У господина, чья жена неизлечимо больна.

М-ль Обонно. Какой ужас! Как посмотришь кругом...

Клод. У него две малолетние дочки.

М-ль Обонно. И, конечно, мсье уже в возрасте. Я уверена, что это будет настоящая мама для милых крошек.

Осмонда (приоткрывая дверь). Ну вот, Рене, входите, пожалуйста. Здравствуйте, мадемуазель, зайдите и вы на минуточку.

М-ль Обонно. Я так рада, что вижу вас!

Рене (его голос доносится из комнаты Осмонды). Крестная, я желаю вам доброго и счастливого года!

Клод и Эдме остались одни. Клод подходит к окну. Эдме смотрит на закрывшуюся дверь.

Эдме. Вот для кого надо будет жить... теперь.

Клод (погружен в свои мысли). Явиться людям и себе тем, кто ты есть...

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!